

10-25 Července 1932. **Volné Kozáctvo** Ročník V.

108-109

10-25-го июля 1932 г. 10-25-го липня 1932 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый РІК ВИДАННЯ 5-ий

Ю. Гинтон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. М. Назаров: Молчал камыш... (Verše).
2. П. Поляков: Азов (Verše).
3. В. Седов: Родная кровь (proza).
4. Людмила Костина: *** (Verše).
5. Вероника Михалевич: *** (Verše).
6. Антонина Козлова: Казакии (Kozákii).

7. Ще до українців. (Ještě ukrajincům).
8. Решение казачьего вопроса на Дальнем Востоке (Řešení kozácké otázky na Dalekém Východu).
9. Чужинец: Английское казакофильство в конце XVIII и в первой половине XIX-го века (Anglické kozákofilstvo koncem XVIII a v první polovinu XIX st.).
10. П. Фадеев. Очерки большевицкой войны на фронте Уральской отд. армии (Vojna s bolševiky Uralské armády).
11. Инж. Дмитро Савкевич: В справі україно-козацьких взаимовидносин (Otázka poměru ukraino-kozackého).
12. С. Савельев: О контрабандной политике (Kontrabandné politika).
13. А. Жуков. По старой московской дороге. (Na staré moskevské cestě).
14. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
15. И. С. Бойко: Необходимое дополнение (Nutný doplněk).
16. Памяти Воропинова (Památce Voropinova).
17. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
18. Русские о казаках (Rusove o kozacích).
19. Ф. Карташов: Из казачьего былого (Z kozacké minulosti).
20. По белу свету. (Po celém světě).

Почтовый ящик.

Париж. — Н. Т. — Получено. Исправлено. Привет.
Истанбул. — П. К. — Посылаем. Привет.
София. — И. Е. — Посылаем. Привет.
Виши. — С. Ч. — Будет напечатано в одном из ближайших номеров под Вашим собств. именем. Привет.
Австралия. — В. К. — Получено. Привет.
Австралия. — Ат. Т. — Получено. Привет.
Царьгород. — М. З. — Чекаємо на закінчення. Вітаємо.
Париж. — А. А. — Получено. Будет напечатано. Привет.
Париж. — П. Ф. — Присылайте продолжение. Привет.
Югославия. — И. И. — С оценкой сокольского дела с Вами согласны. Нам, казакам, тоже, конечно, придется многому поучиться у соколов, но мы, точно также, можем в свой сокол внести и нечто свое, казачье, а прежде всего — мы можем основать подлинное конное сокольство, приспособив и казачью джигитовку к требованиям и условиям спорта. Спорт сейчас, помимо своего непосредственного назначения, играет и колоссальную роль в международной пропаганде всех народов. Переняв чужие формы спорта, казаки смогут внести в него и свой вклад, свое „новое“... Привет.
Франция — В. М-ко. — Получены. Привет.
Лион. — А. Л. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В ЮГОСЛАВИИ:

Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

ВО ФРАНЦИИ:

Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons.
С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

Казачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЕСТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 108—109 *10—25 июля, 1932 — 10—25 липня, 1932.* *№ 108—109*

И. М. Наваров.
(Княжевац).

МОЛЧАЛ КАМЫШ...

Видали-ль вы, как блещет гладь
Озер в стране моей?
Какой узор в вечерней мгле
Рисует луч на ней? —

В изгибе Дона огоньки,
От звезд искрит затон,
И тих, как ночь, в мечте немой
И грустен Тихий Дон...

Слыхали-ль вы, припав к земле,
Как что-то будит тишь? —
Волна журчит средь берегов
И шелестит камыш...

Но если глубже слушать их —
И сердцем, и душой —
Услышать можно, как они
Гуторят меж собой...

— Пора забыть, сказал камыш,
Тебе, старик, о них...
Ушли давно... В чужой стране,
Среди людей чужих,

Давно забыли о тебе
Твои орлы-сыны,
Преданья милой старины
Не стали им нужны...

Вертят станки... копают рвы...
Не грозны.., не горды...
И не до Воли им теперь,
А до своей нужды...

— Ты вечно подлым был, камыш,
И к подлости привык.
Как пес, ты лаешь и теперь,
Сказал в ответ старик.

Шути ты, брат, но с кем другим,
В других ты грязью лей...
Моих же, я тебе скажу,
Не трогай сыновей.

Те, кто лежат в земле сырой, —
Их подвиг совершон.
Была война — отдали жизнь
И тих их вечный сон...

Но те, что с Родины ушли
Живые в край чужой,
От них я жду — и смертный бой,
И Волю, и покой...

На них лежит казачий долг
Сразиться грудь на грудь,
И жизнь, и счастье потерять,
Но — Родину вернуть...

И не забудут, знаю я,
Заветов старины,
На то они — орлы мои,
На то — мои сыны...

За гнет неволи, за позор,
Пожары и разбой —
Небось, за все заплатит „он“
Ценою дорогой...

Ко мне сбежит по ручейкам
Кровавый след врагов,
И пить я буду вражью кровь,
Как пили нашу кровь...

Придут... Придут мои сыны,
Заблещет сталь их пик.
Я верю им... И жду я их...
И... замолчал старик.

Молчал камыш, луна лила
Лазурь на гладь реки,
А далеко, в туманной мгле,
Мерцали огоньки...

17 марта 1932 г.

Павел Поляков. *(Белград).*

Азов.

(Песня о моем счастьи).

Уйдите прочь, тревоги и печали,
Пусть лиры звон вас заглушит хоть раз, —
Я нынче пьян вином воспоминаний
И повести хочу совсем иной рассказ...
Пора, пора запеть о том, что сердцу любо,
Разгладить на челе глубокий след морщин
И, вспомня Дон седой, веселой песнью славить
Его могучий бег, красу Его равнин...

Прошли мои года... Так что-же! Миллионы
Ушли под сень крестов... И все же я — пою.
За лучший в жизни миг, счастливое мгновенье,
Сегодня, веселясь, я сам с собою пью...

Благословен Господь, что в жизни неприветной
Вложил в сердца огонь и влил живую кровь,
Благословен, что дал своим донским казачкам
И стройный гибкий стан и соболину бровь...

Так что ж, лети скорей, безжалостное время,
Ты сердце умертвишь, но в пепле сердца все-ж
И тихие мечты, и песню глаз девичьих,
И шепот о любви бесследно не убьешь...
. . . . . .
Я посвящаю всем, кто в радость первой встречи
Весь юный пыл души, всего себя вложил,
Кто помнит этот день, кто в этот день великий
И Бога, и людей, и мир благословил...

I

Азов, Азов, твои валы крутые,
Церквей твоих высокие кресты —
Азов, Азов — в моем холодном сердце
Звездой, зарницею сияешь только ты.
В семнадцать лет с моей разбитой сотней
Три месяца стоял на пополненьи я.
Три месяца... Ах ими... только ими...
Прекрасна и полна пустая жизнь моя...
Семнадцать лет. Походкою небрежной
По улице пройду... Алеет мой лампас...
Мне узок тротуар... Я никого не вижу...
Я только чувствую огонь девичьих глаз...
Ведь я — казак... Герой... Я с фронта... Я
сражался...
Что мне большевики! Я покорю весь свет.
Я слышал песню пуль... Я знаю звон шрапнели,
И на руке моей удара шашки след...

II

В старинном курене, у двух седых поповен
Квартиру мне назначили мою.
Я пышки утром ем, щербу в обед хлебаю
И вечером в саду чаи с вареньем пью...
Сады... сады...
Под сенью яблонь белых
Вечернею зарей любил я чаевать
И долго, замолчав, сидеть в кустах сирени,
Внимая соловью, — ни думать, ни дышать...
Сады... мои сады...
... Ах, если б люди знали
О том, как кузнецы стрекочут в тишине,
О том, как мы тогда любили и мечтали, —
Кто смел бы говорить о крови и войне?..
Сады...
Краса станиц и хуторов казачьих,
Вы дремлете, полны поэзии живой,
Под соловьиный свист, под пенье старых песен,
Исполненных степной казачею тоской...

III

— Я много раз вас на коне видала,
Когда купать его водили вы на Дон, —
Ведь это вы вчера с коня подняли с гиком
Платочек белый мой из под моих окон...
Я вижу вы — казак... наверно — доброволец...
Зайдите к нам... калитка есть в саду...
Я отопру ее и вечером с подругой
Налево, где сирень, к семи у ветел жду...
. . . . . .
Чумазому послу донскую четвертную
На семячки тогда, обрадовавшись, дал.
На хворостине он... а я — пешком... в проулок...
И он калитку мне в заборе указал...
Одинадцать часов... Ах, кто же не томился!..
Весенний долог день, черты его возьми...
Почистил я коня, оделся, пообедал...
И все же... шесть часов осталось до семи...

IV

Темнеет степь... Упала жарь дневная...
Прохладным ветерком дохнул на город Дон,
Курчавых облаков пошла на запад лава,
И бирюзой горит прозрачный небосклон...

Писать о том, как я открыл калитку
И увидал в саду точеный силует,
Подробно передать, о чем заговорили, —
Нет, не могу... не в силах... нет...
Словами бледными не описать мотива
И песни, и псалма, и гимна... что, горя,
В душе моей тогда поднялся ветром буйным
И пел... пока опять не занялась заря...
Да и не знаю я, о чем мы говорили...
Да и не слышал я ничьих бегущих слов...
Я видел искры глаз, я видел профиль тонкий...
Я позабыл весь мир, я позабыл Азов...
В одиннадцать ушел... по набережной Дона
Всю ночь шагов моих звенел невнятный гул.
У пушек я присел; на звезды, не мигая,
Глядел... Счастливым сном перед зарей уснул.

Гори, заря, гори... Я — счастлив... Я — влюбился.
Как дышется легко, полна восторга грудь,
На всю бы степь запеть, плясать бы танец дикий
Из пушки клиновой через Азов пальнуть...

V

Поповны знают все... Поповны угадали
И шепоток пошел из куреня в курень...

Я только вечер жду... Ну, право, я не знаю,
К чему придумал Бог ненужный, нудный день...

VI

Три месяца прошло... Пополненная сотня
Готова снова в бой. На завтра — выступать.
Последний вечер — наш... Последнее свиданье
Я буду сух... и строг...
Я буду руку жать...
Скажу, что я вернусь, что Родина... и служба...
Меня на бой с врагом друзья и долг зовут,
Я не боюсь огня, я не боюсь аттаки...
И, может быть, меня — большевики убьют...

VII

Пошли... пошли стучат тяжелые вагоны,
Открылась снова степь... Прости-прощай, Азов...
Забился в угол я... Я в саквы что-то прячу,
Не слышу тихий смех шутливых казаков.

Ушли... Ушли года... А в сердце след глубокий...
Азов, люблю тебя с тоскою поминать,
В семнадцать лет — любить! Да, юным, только юным
Легко и полюбить, легко и воевать...
И где теперь она?.. Быть может — позабыла,
Но мне не позабыть зелененьких окон,
Не позабуду встреч на набережной тихой,
Как не забуду степь, как не забуду Дон...

Ушли года... Ушли... Чреда воспоминаний
Мгновенно воскресит когда то милый лик...
Я так терпеть привык, я пережил так много.
И в тридцать лет душой — глубокий я старик.

Прощай, прощай любовь... Нет, больше я не встречу,
Нет, не поверю я ничьим теперь глазам,
Что было, то прошло... Трава валы покрыла,
Молодняком полны аллеи по садам...

Рассказ мой полон был ненужных отступлений...
Да и к чему я вам все это рассказал?
Простите мне... В минуту откровенья
Я о любви своей немножко разболтал...

В. Седов. (*Франция*).

Родная кровь.

(Из записок Великой войны).

Просыпался прекрасный августовский день. Свежий рассветный ветерок пробежал по стройным соснам и красавицам елям, шевельнул высокую с золотым отливом траву. Чуть чуть задрожали ветви и листья и опять замерли. Чирикнула где-то проснувшаяся птичка. С шумом пролетела сонная ворона, пугливо озираясь по сторонам. Белесоватый пар медленно поднимался от влажной земли. Глухая, затерявшаяся среди лесных болот литовская деревушка еще спала крепким утренним сном. Видны были неуклюжие бревенчатые избы, сараи, клуни. Перед деревушкой видно было обнесенное канавой и валом кладбище. Немцы превратили это маленькое кладбище в укрепление и не давали возможности нашим разъездам пробираться дальше по этой единственной болотной дороге. Не один раз пытались их выбить оттуда, но безрезультатно.

Наконец, было приказано послать казачью сотню с задачей выбить оттуда противника во что бы то ни стало. Целую ночь шла сотня по лесной, уплетенной корнями деревьев, грязной, болотной дороге. Измучились кони, утомились без сна люди.

Командир сотни, уже пятидесятилетний войсковой старшина Болдырев тяжеловато слез с великолепного гнедого коня и, разминая отекшие ноги, ссадил сотню в лесной опушке. Казаки отпустили подпруги седел и стали делать курить, вполголоса переговариваясь между собой. В лесу было свежо и сыро. Задеваемые кусты сыпали росу.

Три молодых офицера группой стояли в стороне и рассматривали в бинокли местность.

— А здесь дело веселеньким боечком пахнет, — проговорил вечно веселый лихой хутила и „сорви голова“, под'есаул Быков. Видите, полянка-то с ладонь и ни одного холмика или кустика. Атаковать в пешем строю нечего и думать: пока дойдешь до цели, они расстреляют нас как воробьев, а в конном строю здесь можно развернуть одну полусотню.

— А действительно проклятое место, — заговорил хорунжий Болдырев, сын командира, — обойти их нельзя ни справа, ни слева, а возьми вот их лобовой атакой!..

— Я думаю у них теперь так это место пристреляно, что на четверть не ошибутся — добавил сотник Дементьев, не отрывая бинокля от глаз — хорошо еще, если у них здесь пулемета нет, а то они нам таких здесь чертей всыпят, что во век не забудешь.

— Не робь, ребята! Бог не выдаст, свинья не с'ест, — весело, сбивая хлыстом траву, говорил Быков — поверьте мне, что там, где появится пятая лихая с дедушкой во главе, немцы подмазывают пятки и удирают без оглядки. Видите он, как старый зубр лазает по болоту: местность изучает, а потом, я знаю, атакует в коном строю; не признает он в коннице пешего боя.

— Чудин! позвил он своего вестового, а ну-ка пошукай у меня в сумах, не найдется ли благодати горло промочить, да и для храбрости оно не мешает. „Пей друзья, покуда пьется горе жизни забывай. На Дону уж так ведется — пей, ума не пропивай“, запел он тихонько, садясь на пень толстой сосны.

Чудин, молодой крепкий приказный, принес бутылку водки, вареную курицу и краюху хлеба.

— Правильно, Чудин, — радостно воскликнул Быков, — всегда так учись!

Он хлопнул дном бутылки о колено и пробка полетела в траву.

— А теперь попробуем, что это за штука.

Улыбаясь, он налил себе полный стакан, поднял его на высоту глаз, пристально посмотрел сощурив глаза и проговорил блаженно улыбаясь: Чиста, как слеза ребенка. Расцеловал бы я того человека, который водку выдумал... Ну, за успех нынешняго боя!

Быков одним духом осушил стакан. Ох, как хорошо! по всем косточкам теплота — проговорил он, поглаживая себя по груди. А ну, господа, прошу! обратился он к офицерам, принимаясь за курицу.

Сотник Дементьев налил себе чуть в стакан и выпил, сморщив лицо.

— Но, ты же знаешь, Ваня, что я не могу пить водки, возразил хор. Болдырев, почему-то краснея. Вот закусить не прочь, — потянулся он к курице и хлебу.

— Эх Коля, Коля... ну какой из тебя кавалерист, да еще казак? Не пьет, не курит, женщин боится как чорт ладана, — говорил, кивая лохматой головой Быков, наливая себе второй стакан. Помню, стояли мы в Волковышках, — продолжал он, обращаясь к Дементьеву, — попали мы на квартиру к одному богатому пану. У него была дочь хорошенькая прехорошенькая! (Быков чмокнул концы пальцев), влюбилась она в нашего

Коленьку, как говорят „по уши“ и давай за ним ухаживать. Она ему сыплет комплементы, а он краснеет, как кумач, и только отвечает: „да, нет, нет“, как попугай!..

Хорунжий Болдырев все время краснел и смущенно просил перестать. Быков лихо хлопнул второй стакан и не унимался: „Нет, дорогой Коля, не к рукам цимбала тебе: если бы твою мордашку да мне, я бы как сыр в масле купался...“ И Быков опять потянулся к бутылке.

— Ваня, не довольно ли пить? А то ты к бою налимониться можешь, — заметил сотник Дементьев.

— Не беспокойся! может быть нынче, после боя, нас на ружьях понесут и уж водки после боя и понюхать не дадут, — пропел он и приказал вестовому убрать водку. — После боишка допью на радостях, — проговорил он, как бы сам себе и начал рассказывать свои неистощимые анекдоты.

А казаки в это время, кто стоя, кто лежа ели консервы, перекидываясь шутками и замечаниями.

— А наш дедушка наверное забыл про еду, — заметил вестовой командира.

— Ему теперь не до еды, — отозвался взводный Ковалев, — видишь, лазает по опушке, выглядывает, как лучше его, немца то взять.

— Небось, с дедушкой не пропадешь, — веско вставил старый сверхсрочный вахмистр, подхорунжий Савельев, — травленый волк: в ловушку не заманишь.

— И то правда, г-н подхорунжий, с дедушкой можно и в огонь и в воду, не страшно: все то он разглядит, об'яснит, расскажет, как в рот положит, заметил кто-то из казаков.

— Да не даром наша сотня считается лучшею в полку, да и до войны она была первая. На рубке, бывало, первые мы, на стрельбе — мы, довольствие лучшее в нашей сотне, лошади по телам наши первые, на ученьи, кроме благодарности, ничего не услышишь, а георгиевских кавалеров есть в какой нибудь другой сотне столько? спросил вызывающе вахмистр; помолчал, покрутил свой длинный, уже сивый ус, и продолжал: Такого штаб-офицера, я думаю, во всей армии поискать надо; а поглядели бы вы его лет 15 назад: первый был из г. г. офицеров в полку джигит и рубака, а гимнаст?! в цирке такого не увидишь! Сколько он призов забрал на скачках! На офицерской призовой стрельбе в Петербурге взял первый приз. Это, стало быть, лучший стрелок из г. г. офицеров всей армии.

Так расхваливал вахмистр своего любимого командира, сознавая в душе, что и он много сделал, чтобы поставить сотню на должную высоту.

— Да это и теперь видно, — заметил взводный первого взвода с двумя Георгиевскими крестами на груди, дедушка и сейчас сидит на лошади, как влитый в седло.

Каждый из казаков старался вставить слово похвалы своему командиру и не из лести, а искренно, от чистой души. Редкий начальник пользовался таким уважением и любовью своих подчиненных, как этот всегда угрюмый, почти никогда не улыбавшийся человек. Всегда спокойный и уравновешеный, строгий к самому себе, он был справедлив и строг к своим подчиненным. За всю свою жизнь он ни разу не повысил голоса, что бы ни случилось. Ни одного казака не отдал под суд, был противник рукоприкладства и ругани.

И несмотря на это казаки его боялись, как дети боятся своего строгого но справедливого отца. Они просто стыдились сделать что-нибудь командиру. Но если случалось что-нибудь с казаком, он шел прямо к командиру на исповедь, как выражались казаки.

Он внимательно выслушивал всякого, а потом читал такое отеческое наставление, что „лучше бы морду набил, легче бы было“, — жаловались, побывавшие на „исповеди“.

Всех своих казаков он знал, как самого себя; знал не только кто какой станицы и хутора, но до мельчайшей подробности знал семейное положение каждого. Случилось у казака какое-нибудь несчастье дома, идет к дедушке.

Дедушка разговорит, успокоит, наставит.

Командир полка и командиры сотен его недолюбливали. Первый за его прямой характер и смелость говорить правду в глаза, хотя бы это было и неприятно; вторые не любили его за замкнутый херактер и за первенство его сотни. Командир полка совал его во все дыры и он всегда выполнял все с успехом.

И вот теперь этот угрюмый и молчаливый человек лазил по лесному болоту и изучал местность. „Выбить противника во что бы то ни стало“, — бурчал он про себя — „но какими жертвами?..“ атаковать в пешем строю нечего и думать, местность, как стол, ни одной балочки, ни кустика, пока дойдешь до цели и людей не станет... А в конном строю?.. развернуть можно 40-50 человек. Правда, конница пройдет это расстояние быстрее; казаки охотнее дерутся в конном строю, но потери все равно неизбежны и потери большие. Хорошо еще если нет у них пулемета, а то будут косить, как капусту“, — так рассуждал сам с собй этот старый, закаленный в боях еще с японцами, человек.

Взвесив все обстоятельства, он пришел к определенному решению — атаковать немцев в конном строю. Усталый, он шел к сотне отдавать приказание.

Солнце огромным красным шаром выкатывалось из за верхушки стройных сосен. Лучи его постепенно рассеяли туман, висевший над землею. Чище и прозрачнее казался лес, кусты и трава, умытые утренней росой. Покрылось зо. отым налетом серое до этого жнитво на полянке. Все ожило, задвигалось и заблистало на ярком восходящем солнце.

— Довольно! командир идет — предупредил сотник Дементьев, первый заметивший командира. Все сразу замолкли.

— Вы, под'есаул, наверное уже воздали должное Бахусу? сказал командир, подходя к группе офицеров и лицо его изобразило или улыбку или сожаление.

— Всего два стаканчика, господин войсковой старшина, перед завтраком, — ответил, улыбаясь, Быков.

— А стаканчики вот такие, — показал командир большим и указательным пальцем размер стакана. А о чем вы здесь смеялись так громко? Врали наверное, что-нибудь?

— Никак нет, г-н войск. старшина я россказывал о командире N полка, как он, однажды, приказал своему полковому батюшке выносить плащаницу не в те ворота, в которые положено по церковному уставу, а в противоположные и когда батюшка было запротестовал, он гаркнул генеральским голосом: „Высочайше вверенный мне полк и я в нем хозяин, а ты мой подчененый и должен исполнять мои приказания!..“

Все вновь засмеялись, а командир только дернул усом и проговорил задумчиво:

— Да это не анекдот, а факт, свидетелем которого я был сам.

Командир приказал вестовому принести молока и позвать вахмистра.

— „Вахмистра к командиру“, — вполголоса крикнул Евсеев, а казаки передали дальше.

Небольшой, плотный человек, почти одних лет с командиром, скорыми шагами, тяжеловато перешагивая через пни и сучья, шел к командиру.

Войсковой старшина Болдырев, увидя этого седого, уже отяжелевшего человека, вспомнил свое прошлое, свою молодость. Он был начальником учебной команды и вахмистр при нем окончил команду первым. Лихой рубака, джигит, гимнаст, ловкий, подвижной и сообразительный, любимец офицеров, он быстро был назначен вахмистром и вот уже больше двадцати лет тянет эту лямку. „Были кони, да из'ездились, — подумал он — пока война терпят нас, а после если уцелеешь, как старых артиллерийских лошадей забракуют и сдадут в архив...

В голове старого воина отчетливо пронеслась вся его жизнь, полная больше всего тяжелых переживаний. Вспомнилось юнкерское училище, военная муштра, грубые замечания. Затем служба в полку подхорунжим; самодур командир полка, разносивший всех и вся. Будучи от природы застенчивым, он был нелюбим офицерами, которые называли его гордецом и самолюбцем. Только позднее, когда полк принял молодой полковник ген. штаба, его заметили и оценили.

Лучшими днями его жизни было пребывание на льготе, в своей родной станице на берегу Тихого Дона. Там он отдыхал душой и телом в своем родном гнезде, старом отцовском доме. Целыми днями бродил он с ружьем в родных лугах, в ароматной степи или ловил рыбу в старой синей реке.

Там он и женился на скромной бедной девушке и был счастлив. И все это было как будто вчера, а вот уже сын воин, — подумал он и посмотрел на сына. И только в эту минуту заметил, что его Николай — копия его тридцать лет тому назад. И лицо, и фигура, и такой же застенчивый и молчаливый. В эту минуту шевельнулась в душе его тревога за сына. В эту минуту он особенно остро почувствовал, что потеря для него каждого человека тяжела невыразимо, но потеря сына тяжелее всего.

Солнце уже поднялось над лесом. Ярко зазеленели верхушки сосен. Забегали солнечные пятна по пожелтевшей траве. День обещал быть прекрасным.

Лошади жевали в торбах остатки овса. Казаки тихо переговаривались между собой, а командир стоял и думал: „И в такой чудный день кому-то нужно умереть...“

О себе он как-то не думал. „Мне умереть не диво, я уже старик, пожил, изведал жизнь, но и то умирать еще не хочется“...

А вахмистр стоял перед командиром и ожидал приказаний. Командир оторвался от своих дум и тоном приказания обратился к офицерам:

— Сотник Дементьев и хорунжий Болдырев! Вы возьмете по десять человек пеших из второй полусотни. Вы, сотник, пойдете по опушке направо, вы, хорунжий, налево. Постарайтесь, насколько позволит местность, пройти на высоту деревни. Дойдете до предела и откройте залповый огонь. Нужно до некоторой степени выяснить силы противника, а главное узнать есть ли у них пулемет. Я с первой полусотней атакую в конном строю в лоб с полянки. Увидите — пойду в атаку, патронов не жалеть! Войду в сферу вашего огня, стрельбу прекратить и цепью прикрыть мои фланги.

— Вы, под'есаул, — обратился он к Быкову, — пойдете со мной, вы же мой заместитель. Ты, Степан Федорович, обратился он к вахмистру, останешься с коноводами и маленьким резервом здесь. Фельдшер с тобой; займетесь ранеными... Ну, а теперь с Богом, господа.

Все взяли под козырек и пошли по местам, а командир постоял еще с минуту, что-то подумал и тоже зашагал по высокой траве к сотне.

Прошло полчаса... час... Все притихли, прислушиваясь к каждому шороху. Командир, прислонившись к стволу толстой сосны, внимательно наблюдал в бинокль за деревушкой. Казаки подтянули подпруги седел, оправили на себе оружие, молча держали коней вповоду. Каждый думал свою но одну и ту же думку: вспоминали свой дом, милые семьи, прощались с ними... Но каждый в то же время думал и о том, что деревня должна быть взята. Раз дедушка сказал, так и должно быть...

Вот вправо сухо и отрывисто грянул залп. Глухое эхо прокатилось по лесу и опять тишина. Через минуту другой, третий и опять тишина. Деревушка молчала. Вот повторилось то же самое на опушке слева. Минут пять длилось молчание, а потом немцы открыли частый огонь, перенеся его то вправо, то влево по опушке леса.

— По коням! скомандовал командир. Казаки подравнялись.

— Садись!..

Командир тяжеловато поднялся на своего коня и вплотную под'ехал к полусотне.

— Прямо из леса строй лаву! приказал он. Пойдем с места рысью. Смотри, не смыкайся! Подам команду „карьером“, — лошадей не жалей. Помните, что в быстроте — залог победы. А теперь с Богом! Шашки вон! Пики к бою! Рысью ма-а-арш!.. протянул он и полусотня двинулась.

Затрещали сухие ветви под копытами лошадей, забряцали ножны шашек. Полусотня на рысях вышла из лесу и рассыпалась в лаву.

Яркое солнце заиграло на остриях пик и шашек. Обдало всех теплом снаружи и холодом на сердце. Вот жалобно свистнула одна пуля, другая, третья, еще минута — посыпались градом. Вот свалился один казак, другой; вот повалился всадник с конем, но идет широкой рысью полусотня, равняясь как на ученьи...

Вот раздалась команда: „Карьером!.. марш-марш!“

Ураганом понеслась лава. Вот пролетел мимо командира на легком золотистом жеребце лихой Быков; за ним на потной высокой серой кобыле взводный Манохин. Один... два, три... много уже казаков впереди него. Кладбище уже близко. Стрельба реже. Вот заблистали на солнце каски удирающих из кладбища немцев. Быков, как заяц, перескочил канаву кладбища, за ним другие. Правый и левый фланги уже обогнули кладбище и ворвались в деревню. Он и сам решил было миновать кладбище, но было уже поздно. Лошадь его, чуть чуть замедлив бег, взяла канаву. В этот момент командир почувствовал тупой удар в руку, а через минуту он почувствовал острую боль в правой руке и и что-то теплое поползло выше локтя. „Наверное ранен“, подумал он. Но все это забылось сейчас же. Он сдержал лошадь и все свое внимание перенес на поле боя.

Там он увидел, как резервный взвод с вахмистром во главе кучками копошился на полянке, снося убитых и раненных к дороге. Он поднес бинокль к глазам и обвел все поле. Вон раненная лошадь на трех ногах ковыляет к нему; вон копошится казак, стараясь вытащить ногу из под убитой лошади. Но что это?.. Он увидел группу казаков, несущих кого-то убитого или раненного из опушки леса, где был его сын. Он пригляделся. Бинокль „Цейса“ дал возможность отчетливо рассмотреть лица всех, но Николая между ними не было. Сердце сразу как-то замерло... Он с трудом преодолел себя и тронул лошадь туда, но к нему на взмыленном коне подскакал под'ес. Быков и доложил, что немцы дали „тягу“. „Хорошо! — ответил он — соберите сотню, а я поеду туда, указал он глазами на поле, и тронул лошадь наметом, засунув раненную руку за борт френча.

Навстречу ему скакал вахмистр.

— Ваше в. благородие, — рапортовал он, — ранен в живот его благородие хор. Болдырев, убито шесть казаков и восемь лошадей, ранено девять казаков и пять лошадей. Я приказал нарядить подводы в деревне. Всех убитых и раненных снесли к дороге. Фельдшер делает перевязки“.

А командир только и слышал из всего этого: „хор. Болдырев ранен в живот“. Весть эта, как громом, поразила его. Этот угрюмый, храбрый человек, никогда не гнувший головы под пулями и снарядами, сразу как-то похудел и постарел на 20 лет. Он боролся с собой, напрягая всю силу воли, чтобы не расплакаться в присутствии вахмистра.

— Так прикажете собрать подводы, ваше в-благородие, обратился он опять к командиру.

— Да, да — ответил тот и поехал. Слезы покатились по щекам старика. „Ранен в живот... значит, верная смерть“, пронеслось в его голове. „Лучше бы меня... Господи, за что?..“

С трудом он взял себя в руки, отер рукавом здоровой руки слезы и под'ехал к группе казаков. На мягкой болотной траве, на раскинутой попоне, широко раскинув руки, лежал Николай. Фельдшер уже кончил перевязку. Командир поглядел в лицо сына. Оно было изсиня желто; побледневшие губы были крепко сжаты; на лбу видны были крупные капли пота; он не открывал глаза и все лицо его изображало страшное страдание; он, видимо, напрягал всю силу воли, чтобы не стонать. Казаки грустно смотрели то на командира, то на сына. Видно было, что они искренне жалели сына и сочувствовали убитому горем отцу.

Когда командир слез с лошади и подошел ближе, фельдшер заметил у него кровь на рукаве и кисти руки.

— Ваше высокоблагородие, вы тоже ранены? спросил он полушепотом.

— Да это ерунда, царапнуло немного в локоть, — ответил он и начал одною рукою отстегивать пояс. Фельдшер и казаки ему помогали. Фельдшер начал

делать перевязку, а командир безучастно держал протянутую руку и все время сосредоточенно смотрел в бледное, осунувшееся лицо сына.

Все прошлое, настоящее и будущее, казалось, было воплощено в этом молодом умирающем офицере. С ним все уходило в вечность и безразличие. Забыл он и свою уже выполненную задачу, забыл о том, что нужно послать донесение, отдать некоторые приказания, осмотреть раненных и убитых. В голове была пустота. На сердце давило все больше и больше, но слез уже не было.

Но вот мелькнуло на минуту сознание, в воспаленном мозгу аршинными буквами восстали перед его глазами слова жены: „Береги нашего Коленьку, он единственное теперь наша радость и утешение нашей жизни". „Уберег", подумал он с досадой на самого себя и тяжело вздохнул.

Сын в этот момент открыл глаза. Он обвел кругом мутным бессознательным взглядом, но когда глаза его остановились на лице отца, оно сразу приняло осмысленное, страдающее выражение. Слабым голосом, стараясь улыбнуться, он спросил:

Папа, ты тоже ранен?

— Да, милый, но рана ерундовая, а ты вот, как себя чувствуешь? — спросил он, наклоняясь над головой сына.

— Знаешь, папа — начал он печально — мы с тобой люди военные и...

Лицо его опять изобразило страдание. Он закусил зубами нижнюю губу и закрыл глаза, а когда боль немного утихла, он заговорил снова:

— Одного только хотелось бы: умереть не сейчас...

Он снова закрыл глаза и замолк, как буто думая о том, как бы высказать все полнее и короче. Все окружающие слушали слова этого молодого умирающего офицера со страдающими лицами. У многих казаков катились по щекам слезы. Командир стоял с застывшим бледным лицом и уже не плакал. Он упорно глядел в лицо сына и молчал.

— Все таки не хочется умирать... заговорил умирающий: Милый папа! обратился он к отцу, — исполни мою просьбу...

— Все, все исполню дорогой, — ответил командир, еще ниже склонившись над головой сына, как бы боясь чего не прослушать. В это время говорил уже не начальник с подчиненным, а отец с сыном.

— Когда я умру, отправь меня домой в станицу, к маме...

Он закрыл глаза, повел рукою по животу и чуть слышно простонал: ой!.. больно... и начал бредить. Говорил бессвязные слова, разбрасывал руки. Началась предсмертная агония.

Было только 12 с половиной часов и до сумерков еще далеко, а молодого Николая Болдырева уже не стало. Лежал он спокойно, со сложенными на груди руками на той же конской попоне. На похудевшем восковом лице его застыла детская улыбка.

Что видел он в последнюю минуту в бреду? Что заставило его улыбнуться? Вспомнилась ли ему в смертную минуту мать, его ласкающая, или детские игры на берегу Дона в своей родной станице, или что интересное из школьных дней?.. Бог весть.

Постаревший и сгорбившийся за несколько часов, командир, не спеша, обходил убитых и раненных казаков, смотрел им в лица, успокаивал и ободрял. Вот он подошел к взводному урядннку Ковалеву. Ковалев полулежал на траве, вытянув переломанную, забинтованную ногу и улыбался.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Ковалев? спросил командир.

— Да я то ничего, ввб-ие, нога срастется, да вот убили сволочи моего „Вихря", такого коня в век теперь не найти... ну, подождите! — погрозился он кулаком в сторону немцам, — доберусь я еще до вас.

По лицу урядника катились слезы обиды и досады.

— Ничего, Ковалев, коня еще найдем, выздоравливай, — успокоительно проговорил командир и зашагал дальше. Он подошел к казаку, который держал лошадь с переломанной передней ногой. На лице казака было тревожное ожидание: ветеринарый фельдшер сказал ему, что лошадь придется пристрелить, казак не соглашался и с замирающим сердцем ждал, что скажет командир. Командир приказал пристрелить.

— Ваше вбл-дие! взмолился казак, — разрешите оставить его жителям, пусть они делают с ним, что хотят, но чтобы я не знал. Ведь этого же коня я сам воспитал и служу на нем с 11-го года.

Казак ласково гладил по шее понуро стоявшего своего верного друга, а по загоревшим, смуглым щекам катились слезы. У командира тоже не выдерживали напряженные нервы и к горлу подкатывали слезы. Чтобы не показать их, он поспешно бросил:

— Хорошо, отдай! и зашагал в протиположную сторону.

На старом станичном кладбище, обнесенном тесовым забором, появился свежий холмик земли, в конце которого поставлен новый белый памятник с медным крестом. На лицевой стороне была вделана фотография молодого с едва пробивающимися усиками офицера. Ниже подпись: „Здесь покоится прах хор. № Донского каз. полка Николая Ивановича Болдырева, павшего смертью храбрых в бою с немцами у дер. В. 1915 г. 27 августа".

Ежедневно, утром и вечером, на эту могилу приходила худенькая, вся в черном, средних лет женщина. Она становилась на колени у свежего холмика и долго молилась, кладя земные поклоны

Людмила Костина. *(Белград).*

***

Роются мысли в кругу заколдованном,
В сердце мучительно жалок ответ...
Хочется к солнцу, да крылья поломаны,
Хочется счастья, которого нет...

Старое мертво, потеряно новое,
Душу какая то муть залила...
Так дайте ж мне кубок, страданьем окованный,
Выпить бы сразу всю горечь до дна!

Вероника Михалевич.

***

Хто змиє кров із ран болючих,
Хто сльози висушить у тих,
Що йдуть шляхом тернів колючих
Під тягарем терпінь важких?..
Хто рідний прапор наш підніме
На страдниці землі святій,
Хто, хто з'єднає побратимів
І двигне їх в останній бій? —
Ніхто ні з світла, ні з пітьми,
Одні лиш ми, самі лиш ми!

Антонина Козлова.
(Скопье).

КАЗАКИИ.

Казачее знамя над Вольной Страною
Подняв, не уроним в кровавой борьбе,
И волю былую мы смелой рукою
Вернем, непокорные рабской судьбе...

Пусть враг нас сильнее, пусть смерть угрожает —
За Волю с любовью мы в бой все спешим,
И каждый, кто честен, — клинок обнажает...
Мы — вражеской кровью его обагрим...

Врагам — нет пощады... Их кровью напоим
Мы нивы, жилища разрушим-сотрем,
Народ исстрадавший спасем, успокоим...
Так пусть же враг гибнет под нашим копьем...

О павших всех братьях за Волю, Отчизну,
Погибших в неравных смертельных боях,
На вольных просторах мы справим им тризну
На влажных от вражеской крови полях...

И солнце Свободы над древней землею
Казачества Вольного вновь заблестит,
В Казакии люди пусть дружной семьею
Так мощными будут, как твердый гранит...

Ще до українців.

(Відповідь „Дзвонам").

II.

У своєму заклику до наших сусідів і зокрема до братів-українців („В. К." № 105) ми вже висловили свою точку погляду що до української соборности, простягненої на Кубань чи то взагалі на Козачі Землі. Зі всією рішучістю підкреслюємо ще раз, що долю Кубані має повне право вирішувати лише само населення Кубані, що її віддавна посідає, а в першу чергу козаки, і що ніхто инший чужий, з якого б то не було боку, до цієї внутрішньої справи Кубані не сміє вмішуватись.

Коли ми, козаки, визнаємо й шануємо права инших народів на їх вільне самоозначення, то так само вимагаємо й від них признання й шанування наших прав і волі на рідній землі. В цім розумінні ця правда мусить бути однаковою й обовязковою для всіх народів. І ніяк не можна цю міжнародню, універсальну правду в залежности від якихсь власних егоїстичних мотивів калічити в той спосіб, що ця правда, мовляв, існує лише для нас, а за другими ми її не визнаємо.

Все це тут ось нами сказане відноситься в однаковій мірі як до росіян-єдинонеділимців, так і до українців соборників-дзвоничан. Ні одні, ні другі втручатись в справи Кубані й инших Козачих Земель не мають ніякого: ні морального, ні міжнародньо-юридичного, ні історичного, ні фактичного права і подібне втручання не може трактуватися нами инше, як грубе насильство, що не може бути виправдане ніякими мотивами.

Треба ще при цьому ще раз нагадати, що права козацтва й обічного з ним иншого населення на козацьких землях були лише поновлені в часі революції 1917 р. і що вони сусідніми нововідновленними по цій революції державами, в тому числі й Україною, були вже визнані. Українська держава у свій час визнала республіки Донську й Кубанську, так само як і межеві їх державні границі.

Отже, в часі існування Української держави і державно-національні права Кубані було визнавано та шановано й Україна ніяких прав тоді на Кубань, ні на инші Козачі Землі, не пред'являла.

І нас теперь, по правді, дуже дивує й прикро вражає, що вже навіть після факту існування козачих держав, де-які українські кола типу соборників-дзвоничан тут, вже на еміграції, стали займатись твореннем теорій на „єдинство української національности" та „єдинство" Української держави, простягненої територіяльно і на козачі землі. При цьому ще більше стає дивним, що соборницька агресія ріжних дзвоничан на козацькі землі чим раз, тим більше „розвивається". Особливо до скрайніх меж сміливости в цім напряму йдуть „Дзвони", які українське соборництво простягають вже, мимо Кубані, і на частину Донщини, Ставропольщини, Терщини, Чорноморщини, а Кубань вже починають іменувати „Кубанською Україною". Так потихенько та поманенько назва України переноситься й поширюється на суто козачі землі, які ніколи ні Україною, ні під Україною не були.

Ми вже вказували, що модернє українське соборництво ріжних „дзвоничан" є в найгіршому виданні відбиткою з московсько-російського єдинонеділимства. Варто зазначити, що і підстави і мотиви цих двох соборництв є однакові. Підставою московських соборницьких прагнень та оправдань їх агресії є ілюзійна й догматична теорія про „єдину російську (чи руську) національність", а підставою агресії соборництва українського (дзвоничанського), як бачимо, також є теорія (чи, як вони кажуть, „ідея") „єдиної української національности".

Ось, значить, в імя цих ідей росіяне мали б добувати і володіти всіма землями східнього славянства, без огляду на опір їх народів і без огляду на відсутність за росіянами історичного і морального права на ці землі і народи, а українські соборники так само в імя своєї ідеї мали б володіти усіма землями, де живе бодай пара тисяч українців, без огляду на опір инших народів цих земель, і так само без огляду на

відсутність за українцями всякого морального й історичного права на ці землі.

Що до фальші, безпідставности, неправности і фантастичности теорії російської, ми не будимо на цім місці ширше росписуватись, бо всі її негативні боки давно вже висвітлені й її ілюзійність всі ми, поневолені народи, однаково розуміємо. Ілюзія цієї теорії чи ідеї розбита самими фактами життя. Тут ми хочемо показати лише, що так само ілюзії українських соборників не мають під собою жадних реальних підстав і що вони так само немилосердно разбиваються фактами дійсности.

В попередньому числі „ВК“ ми вже вказали безсилість дзвоничанської ілюзійної теорії „єдиної української національности“, яка противиться фактам існування козачої нації, доведеної наукою і визнаною навіть вченим співробітником „Дзвонів“. Але дзвоничанам любіше закривати очі на дійсність і мріяти, що жадної козачої нації нема. По їхньому є лише нація українська, великоруська, білоруська, а козаки — це “люде“, що належать до однієї з цих націй.

Хай буде. Хай собі дзвоничани мріють і вірять в те, що самі видумали, — тут вони співають в унісон з москалями й ці ілюзії козачій нації ніяк не пошкодять, — фактично вона існуватиме і поза тими ілюзіями. Але гірше стоїть справа, коли на підставі ілюзій розвивається певна соборницька агресія на землі козачої нації і ріжні „соборники“ виправдують цю агресію тим, що право самих козаків на ці землі для них, соборників, „не можливе до приняття“, бо землі ті можуть відійти в иншу державну цілість.

Це вже, безперечно, є щось иншого. Тут ми, козаки, вже такого виправдування соборницької агресії на козачі землі, як „неможливість до приняття“ відхід цих земель в „иншу державну (козачу) цілість“, не лише не визнаємо, але будемо і активно боронити своє право. „Теоретично“ ж кажучи, нам це зовсім не цікаво, чи вам, дзвончани, можливі, чи не можливі до приняття національно-державні снаги козацтва.

Ми не раз від ріжних соборників чули: „Кубань має бути українська“ (а від дзвоничан ось вперше таке почули і про инші козачі землі). Проте, ніколи ще самі козаки ні від кого не довідались, з яких грунтовних доказів ця формула виведена. На основі якого права ця українська соборницька тенденція повстала і на нас, козаків, простягається? Той факт, що частина кубанських козаків з походження є українці, та що инші українці не козаки живуть на Кубані, ще ніякого права Україні в її претензіях на Кубань не дає. Бо ж по такому праву претендуватиме й Росія на Кубань та доводитеме, що на Кубані є і москалі.

Зрештою, тому що все це „право“ України на її державну зверхність над певною територією виводиться лише з факту посідання на ній певної кількости українців, то нам дивно, чому це її право в даному разі обмежується лише козацькими землями, а не простягається анальогічно і на инші території, що на них живуть і українці? Отже, як що таке право України на території з українським населенням є стале і певне, то воно мусило б послідовно і з одинаковою силою діяти і виявлятись у всіх анальогічних випадках; принаймні тенденція до доконання цього права мусіла б бути скрізь і завжди однакова. Проте, не претендує ж бо українське соборництво на землі з українським населенням в Сибіру, на Зеленім Клину, в Середній Азії, в Поволжу... Зрештою, не претендує на соборницько-державницьке об'єднання великих мас українців, що живуть в Америці, в Московщині й инших країнах.

Чому ж у цьому випадку для українців соборників, всупереч дзвонівській теорії „єдиної української национальности“, є можливий „до приняття“ відхід певних земель і народу в иншу державну цілість, а така сама анальогія в стосунку до земель козачих раптом стає „не можливою до приняття“? Чи зупинялись коли небудь ріжні дзвоничани-соборники над цим питанням, чи аналізували вони його глибше? Чи для них завжди вистарчає одних пустодзвонних „формул“, виведених з ілюзій, що суперечать дійсности?

Ми розуміємо і зазначуємо всім дзвоничанам, що соборницькі їхні гасла, не поперті перш за все волею того населення, на територію якого вони хочуть простягти своє „право“, позбавлені всякої моральної сили і значіння.

Так само розуміємо, що один лише факт посідання певної території якимсь населенням не дає права материй землі їх нації вирішувати державну долю тієї території. На основі одного цього факту ні сама Україна ні одно лише українське населення в Америці, в Сибіру, в Поволжу і т. д., так само і на козачих землях, не мають права в імя соборности землі, заняті українською нацією, прилучати до державної української цілости. Тут треба добре розріжняти, що „національна єдність“ — це одно, а „державна цілість“ — це друге поняття. З'єднувати й покривати одно з одним дається лише в мріях, в ілюзіях, натомісць ніяк не дається натягнути одно на друге в дійсности.

Той факт, що українці (як і инші нації) живуть у ріжних чужих країнах поза материю землею і суть громадянами чужих держав, не противиться зовсім ідеї „єдиної української нації“, бо від того вони ні американцями, ні москвинами, ні чим иншим в розумінню національному не стануть (инша справа, коли розуміти націю в державно-політичному сенсі). Так само не перестали б бути українцями й українці в складі козачої держави, — тим більш, що козацтво само прагне, аби всі національні права громадян Козакії були вповні забезпечені.

Отже, відхід певної кількости українського населення в козачу державну цілість не загрожує нічим єдности української нації й воно залишиться національно українським так само, як

австріяки й германці залишаються німцями, народи Швейцарії — французами, німцями, італійцями, частина Бельгії — французами, українці в Америці — українцями і т. д.

Це ось одно поняття єдности нації.

Що ж до поняття „державної цілости", то тут справа инша.

Ми сказали, що для „державної цілости" якоїсь нації замало факту посідання нею чужої території, цей один факт ніколи ще і не визнавався за якесь безсумнівне право. В поняття права на землю, на територію приходять необхідно в увагу й інші права, як право на посідання маєтку, право спадкове, історичне, тощо.

І ось в цім пункті усі українські соборницькі ілюзії що до земель козачих розбиваються вщент, бо жадного з цих прав щодо козачих земель Україна не має, а тому й Українська держава у свій час ніяких претензій до держав козачих в цім сенсі па мала. (Про волю самого Козацтва скажемо пізніше).

Справді бо, Україна для прилучення в склад своєї держави чи то Кубані, чи иншої якої козачої землі не має ані державно-спадкового ані історичного права. Козацькі землі здебільшого віддавна здобуті і заселені козацтвом. Козацтво перше оселило ці землі, обробляло й охороняло їх. Ці землі иноді здобуті мечем і кровю. В змаганню за них і в захисту них козацтво понесло протягом віків великі жертви та віддало колосальні сили своєї нації. Таким чином, козаки справедливо перші мають історичне право на свої землі. Це право вважаємо постільки міцним і дійсним, наскільки вважають його таким і всі народи, що так само віддавна свої землі здобули і їх тепер посідають.

Це одно. Друге:

Козацтво в далекому історичному минулому здобуло свої землі або „вільними", або у тих народів, які тепер вже не існують, чи то з'ассімілювалися козацтвом. Таким чином, козацтво залишається й єдиним носієм спадкового права на свої землі.

Ті старі народи, що невеликими острівцями залишились ще в масах козацького населення, мають на свої землі лише право льокальне (яко меншости на козачих територіях), і через те, зрозуміло, вирішувати державну долю цілих козачих територій не можуть.

Так само не може вирішувати цієї долі проти волі Козацтва до самостійности і те ріжнонаціональне населення, що переселилося на козачі землі розпорядженням чи дозволом руського уряду, часто проти бажання самого Козацтва. Це ріжнородне населення (до большевицького періоду) фактом свого існування на козачих землях набуде, безперечно, всіх громадянських прав в козачих державах, але на підставі одного свого бажання тягти і прилучати козацькі землі до инших чужих державних формацій ніякого права не має. На землях козачих виключне право історичне і спадкове посідає лише козацтво. На основі цього права збудивсь і силиться вільно-козачий самостійницький рух; на основі цього права і повстала непереможна й усвідомлена снага козацтва до визволення й удержавлення своїх земель.

І вже зовсім не мають жадних прав на козачі землі сусідні народи, які за ці землі ані не змагалися, ані їх в давнину не посідали. Виходючи з цього, стає зрозумілим, шо й Україна так само не має ніяких прав на землі козачі, бо вона цих земель не здобувала, не змагалася за них, не захищала, не несла жертв на їх оборону і до того ніколи цими землями не володіла.

Все ж нам цікаво б запитати соборників-дзвоничан: на яких підставах будують вони своє ефемерне соборництво, простягнене на козачі землі?

Здавалось би, що усякі „соборники" — російські й українські — мусіли б розуміти, що смішним випадає мріяння їх, десь тут по за межами козачих земель, про прилучення цих земель до їх держав лише на тій підставі, що вони мають, мовляв, „теорію" якогось там „єдинства" (русского чи українського) та що пара сот тисяч їх народа живе між козацтвом (яке, до речі, туди їх зовсім не кликало!), а головно, — що вони того прилучення собі б а ж а л и б... Ніхто з таких соборників серьезно не подумає собі, як це є безроссудно і легковажно бажати собі „усоборнення" козачих земель без згоди населяння тих земель, а головно самого козацтва. Що б з цього вийшло, як би справді — не дай Боже! — світ здурів і наші сусіди-народи стали пробувати реалізувати ці соборницькі безумні рецепти? — Уявіть собі: Москва йде на Козакію прилучати своє московське населення, Україна йде прилучати українців, горці — горців... Та як би вони, всі ці „соборники" і між собою помирились, коли їхні „компатріоти" розсипані, перемішані по всій козачій території? — Чи так, просто, хто що урвав, то й „присоборнив"? А козацтво що ж — дивилось би і мовчало?...

Так часом з ілюзійних повітряних „ідей", які здаються хоробливим мрійникам „великими", повстають в дійсности великі нещастя і безумства. Приклад — большовизм...

Ми зі всією рішучістю відпераємо спробу реалізування українськими соборниками своїх „ідей" на землях козацьких. Досить з нас і большовизму та россійського неділимчества.

А що всяке соборництво, яке б „уперлося" в козацькі землі, кинуло б у нещастя, терпіння і страждання не лише козацтво, а і все населення Козакії, в тім кожний, хто ще має хоч крихту здорового розуму, не може сумніватися.

Але припустимо на момент, що соборники одні є винахідниками „ідеї національної єдноти" і що їх соборність, скажемо, типу „дзвоничан" є їх „патент". При цім ми б неодмінно запитали, як то вони думають собі того „великого" діла практично доконати? Що ж, досить хіба с к а з а т и, що „Кубанська Україна", „Терська Україна", „Ставропольска, Донська, Чорноморська Україна" (скільки тих Україн є?) — „наша" — і так вони всі чудом у соборницьке ло-

но і припливуть? То певно, що і самі соборники в такі способи і методи прилучення не вірять. Що ж инакше? Чи соборники думають, що всі ці „України“ самі ось побажають прилучаться? — Але ж це тільки думання, скорше бажання, мрії, далекі від дійсности, бо жадного і натяку ще на будь якийсь факт в цім роді немає. Ще ані Кубань, ані тим більше Терщина, чи Донщина, чи Ставропольщина... бажання прилучатись до України не висловлювали... Звідки ж у соборників ці безпідставні надії? Ми вже не кажемо тут про те, що виключного права українському населенню (не козачому, себто одній з меншостей в Козакії) тих земель роспоряджати долею їх не дано, — це було нами доведено вище при згадці про права історичне та спадкове.

Але припустимо знов на момент, що українці на Кубані (поза козаками), Терщині і т. д. таке б право посідали, то чому надіються соборники, що ті українці обов'язково колись потягнуть до України і в ім'я однієї порожньої „ідеї української національної єдности“ знеґують свої реальні життєві і ближчі їм тепер інтереси, які вяжуть їх з близькими сусідами козаками? Чому при цім мрійники-соборники не оглядаються на факти з дійсного життя, що от же: бельгійські валлони не прилучаються в ім'я національної єдности до Франції, або ріжні народи Швейцарії до „своїх“ національних держав, хоч, безперечено, національна свідомість всіх цих народів далеко вища за національну свідомість українців на козацьких землях? Існують, очевидно, й вищі непереможні життєві закони, які владно диктують людським коллективам перевагу дійсних сутєвих інтересів над теоретичними „комбинаціями“.

Нас справді дивує, що тутешні соборники насмілюються забірати голос за тих, кого хотіли б „усоборнити“. І Кубань і Терек і всі инші мовчали і мовчать, а за них вже роспинаються другі. Наше питання: а чи ж соборники-дзвоничани вже хоч раз коли чули українські голоси з козацьких земель про бажання усоборнитись? А чи ж вони запитали ті землі про їх справжнє бажання? Чи то може для дзвоничан вистарчає одного власного бажання — не важно, мовляв, нам, чи ви самі хочете, аби ми хотіли... Дивна та, по правді, „соборність“, що з гори насильно накидається!

Отже, виходить, що соборники так або инакше, за згодою чи без згоди населення Козакії стали б його усоборнювати. На зовні це мусіло б випадати як український напад на козацькі землі, бо треба мати на увазі, що як би та соборність проводилась навіть і за згодою українців з козачих земель, то самі ті землі з їх населенням все одно пришлось би Україні завойовувати. Ми вже казали недавно і повторюємо знову, що соборність свою на козацкі землі Україна може посунути лише оружною рукою.

Ніхто з соборників не уявляє собі справді, наскільки їхнє питання є складне на тяжке до розвязання і що війна була б, можливо, найбільшим наближенням до виходу. Дуже шкодуємо, що всякі соборники-дзвоничани з приємністю і залюбки виточують свої сміливі теорії, смакують власні щонайдивніші ілюзії, тішаться „великими ідеями“, а виявляють в той же час повне ледарство і нехіть до студій, до пізнання й ознайомлення з дійсним станом річей на тих землях, які збираються до себе прилучати. Ті всі соборники про козацтво, про його землі, історію, відносини нічого абсолютно не знають.

Хай же знають всякі „дзвоничани“, що будь-яку, хоч би найменшу частину козачої землі Україні й війною не вдасться одірвати від Казакії і прилучити до себе.

Але ще одно мусіли б розумно й далекозоро передбачати усі українці. Це те, що у згубній війні під гаслами соборности Україна не те, що не змогла б ні Кубані, ні инших козачих земель завоювати, а ледви чи взагалі і свою власну свободу й державність здобути. Нам здається, що соборники-дзвоничани мало журяться цим; їм важніше, аби їх прекрасна ідея „єдности нації“ не потерпіла, або щоб частина українського народу не відійшла як повноправна і творча одиниця в склад иншої державної цілости, хоч би та їх „єдність нації“ і соборництво практично могла доконатися лише в одній неволі. Хоч у неволі, так зате всі однаково; і „єдність“ нічим не порушена!.. Чудово! Не про здобуття свободи, незалежности, державности, найголовніших передумов розвитку і сили нації своєї думають соборники, а головно про її „єдність“ стараються, щоб та нація, хоч би й ниділа в нужді та йшла до занепаду, зато ж би була „єдина“ у свойому рабстві (як зараз!). Бо не кожному ясно, що в дійсности і державности і соборности Україні не здобути і що лише за рахунок одного можна досягнути другого. Та нас, властиво, це ближче не торкається і ми залишаємо це на рішення самім українцям. Нам зараз важно підкреслити, що соборність України, простягнена до козацьких земель, є й для козацтва і для України однаково згубна.

І Козацтво і Україна в майбутній боротьбі за свою свободу не сміють бути по обидва боки фронту, або боротись роз'єднано і в розлад. Як що хочемо здолати сильного спільного ворога (а він не є слабий!), як що хочемо здобути свободу і державну незалежність своїм народам, то мусимо зріктися ріжних дрібних претензій один до другого і стати в один спільний, союзний, міцний фронт.

Не гнобити, насилувати, завойовувати, прилучати один одного маємо, а взаємно мусимо допомогати здобути кожному з нас спільну нам найбільшу та найвищу цінність — свободу, яка б однаково забезпечувала нам наші природні людські права, розвиток і щастя наших народів.

Всякі теорії безпідставної і непотрібної ілюзійної „національної єдности“ в розпорошених по всіх усюдах народів мусять уступити перед реальною і можливою до доконання „єдностію поневолених народів“, що диктується вимогами

дійсности й може бути виправдана найближчими реальними здобутками, найціннішими для кожної нації — її державністю. Наші поневолені зараз червоною Москвою народи — і козацький і український — терплять неймовірні, нечувані в історії людства муки, нищаться, плюндруються, вироджуються, роспорошуються і ждуть, ждуть з нетерпінням, болем, вірою і надією нового визвольного зриву, щоби скинути з себе тяжкий тягар. А ми що?

Невже замість того, аби постійно духом своїм бути з нашими нещасними братами, аби всіма помислами, чуттям, волею і чином намагатися зі всіх сил їм допомогти, маємо злочинно і пустодзвонно сперечатися за те, чи погодиться, чи не погодиться на відхід частина нашого народу в „иншу державну цілість" при майбутньому розмежуванню? Ще медвідь не забитий, а вже зза шкіри його маємо битись? Ще свобода не здобута, а вже на поневолення один одного маємо точити ножі? — Дійсно, дійсно — безмежне людське безумство!

І це все, називається, робити в імя „вищих" ідей, в імя догматів, яких — Боже борони знегувати, хоч би вся дійсність і всі факти були проти них. Для фарісеїв більший є гріх відступити від букви, ніж доконати нею злочин.

Соборники-дзвоничани ось порушення букви свого закону „єдиної національної єдности" бачуть, прикладом, у відході пари сот тисяч українців, що живуть на козачих землях, до Козакії, так наче б тому населенню буде гірше в Козакії ніж зараз в Большевії, так наче б у майбутньому (всупереч знов таки фактам) ця єдність там може бути досягнута. А ось те, що виконання тієї букви тої нещасної „ідеї" могло б привести до злочину, до різні, до нового нещастя і для самого того населення, за яке наче б розпинаються — це фарисеям-дзвоничанам байдуже.

Ось вам „буква закона", ось вам „ідея", ось вам сумління і розум усіх соборників-дзвоничан...

Та ми певні, що — на щастя! — серед українців не багато знайдеться таких пустодзвонів. Ми певні, що більшість українського загалу тверезіше і глибше розбираються у складній ситуації сучасного моменту і є чутливіші до вимог дійсности. Ми віримо також, що усі наші прихильники-українці, як то вже ми мали не раз змогу переконатися, не так розуміють козаче питання, як жменя „старців" із редакції „Дзвонів", та що вони справді справедливо оцінять наші щирі снаги до порозуміння та утворення спільного єдиного союзного фронту в боротьбі за визволення. Отже, підемо плече в плече вперед. Хай собі „Дзвони" і всі дзвоничани пустодзвонять...

Нам залишається сказать ще де-кільки слів, як безпосередню відповідь редакції „Дзвонів", чи то внести до її тверджень де-які „фактичні поправки".

Перш за все — що до „грошей однієї з сусідніх держав". На подібні „закиди" російської преси та наших же козачих єдинонеділимців на чолі з паном генер. Богаєвським ми в свій час дали вичерпуючі відповіді і повторюватись ще раз на цю тему наміру не маємо. Як що це „питання" „Дзвони" дійсно цікавить, хай прочитають те, що ми відповідали в цій справі всім соборникам московським.

Не можемо утриматись лише, що б не сказати, що подібну „аргументацію" чути нам від у к р а ї н с ь к о г о органу трохи дивно: „Дзвони" в наш адрес лише повторюють те, що писали і пишуть ідосі росіяне про самостійництво українське: що це все або австрійська, або німецька „інтрига", що український сепаратизм платиться грошима теж сусідніх держав... — А хіба це пошкодило справі українського національно-визвольного руху? — Так само не пошкодять і нам „закиди" „Дзвонів".

Цікава ще одна деталь. Майже одночасно с „Дзвонами" виступив проти вільно-козачого руху і кубанський ген. Науменко в своєму „Кавк. Козакові" в інтересах руського „дєла" ген. Міллєра з його „Обще-Воинским Союзом" та московського єдинонеділимства взагалі. Між аргументами „Кавк. Каз." теж є „чужі гроші"... Словом, — „трогательное единение" „Дзвонів" с „Кавказским Казаком"...

Де-кільки слів про „видніших українців-кубанців". У „Дзонах" читаємо: „Инші українці-кубанці — коли брати під увагу видніші особи — не є прихильниками тієї програми"... — Не знаємо, про кого йде тут мова, бо, правду кажучи, таких „видніших" українців-кубанців на наших козачих „горізонтах" щось не об'являлося... Так само з великим застереженням поставились би ми і що до їхньої „виднішости" — коли це і чим вони стали видніші та на якому поприщі діяльности?

Не беремося судити, яку реальну користь зможуть витягти для себе з тих „видніших осіб" українців-кубанців самі українці, що ж до ВК, то тими „особами" ми йдосі не цікавились, можемо лише зазначити, що „неприхильність" тих „видніших осіб" до ВК ні журналові „ВК" ні самому козацькому самостійницькому рухові ніскільки не шкодить...

Що ж до тих „українців", що були раніш, очевидно, „захоплені" вільно-козачим рухом, а тепер „відступили", то найліпшу характеристику їхньої моральної вартости можна найти в виразах тих же „Дзвонів" трошки нижче: „ненадійним" стало „субсідуюче джерело" і відступили ті, що те ж „мачали" руки в те „джерело"... Значить: коли було ще „джерело" „надійним", тоді можна було ще тим „українцям-кубанцям" „мачати" до нього руки та йти з В. К., коли ж „джерело" стало „ненадійним", то прийшла пора тим „діячам" „відступити"... (Виходить: були ось безідейними дурнями, а то раптом і „ідею" і розум набули!).

Цікаво було б ще запитати „Дзвони": а до кого ж і до чого „приступили" ті, що „відступи-

ли“ від ВК? І — чи не прийдеться самим „Дзвонам“, чи иншим „дзвоничанам“ поділятися „відступниками“ з „Кавказским Казаком“?

Не знаємо, для чого це „Дзвони“ „підкидають“ нам і п. Федорова, коли вже три роки ні ми до нього, ні він до нас не маємо ніякого відношення. Це, очевидно, можна віднести лише на рахунок наміренно недобросовістної інформації редакції „Дзвонів“ її пражськими дописувачами...

Зовсім не будемо спорить з „Дзвонами“ про „вмирання“ чи не вмирання концепції „В. К.“ Це може доказать лише майбутнє. Але ми, всі вільні козаки, що боремося за визволення Козацтва та його державну самостійність, за об'єднання Козацтва в незалежній державі Козакії, — всі ми віримо і знаємо, що наші концепції п е р е ж и в у т ь „концепції“ „Дзвонів“ і всіх російських та українських „дзвоничан“.

Решение казачьего вопроса на Дальнем Востоке.

События, начавшиеся минувшей зимой на Дальнем Востоке, являются, несомненно, только н а ч а л о м событий. События эти не могут, конечно, пройти мимо и Дальневосточного Казачества, которому, в своих собственных интересах, надо к ним не только присматриваться, но и наперед решать как о своей в них роли, так и о желательном их для Казачества исходе.

Нам, Казачеству Европейскому, не может быть безразличной судьба наших братьев-казаков на Дальнем Востоке. Позволим себе поэтому высказать и свои соображения в надежде и уверенности, что они будут восприняты Дальневосточными казаками — одинаково: как теми, кто пребывает под большевицким владычеством, так и теми, кто рассеян сейчас в эмиграции по чужим краям и странам.

Думаем, что и Дальневосточному Казачеству следует в первую очередь подумать о себе и о своей исторической судьбе. Достаточно уже казаки послужили в прошлом другим и для других, надо послужить и самим себе...

Скажем наперед: это свое казачье будущее Дальневосточные казаки должны искать в самостоятельном Дальневосточном государстве. Это Дальневосточное государство надо строить казакам вместе с украинцами, а украинцам вместе с казаками.

В самом деле: присмотримся ближе к составу населения Дальнего Востока. Из прилагаемой здесь таблицы видно, что из трех основных составных частей населения — русских, украинцев и казаков — ни одна из них не составляет такого большинства, которое позволяло бы ей взять только на себя всю тяжесть решения вопроса. Дальше — вряд ли русская часть населения будет искренно стремиться к государственной самостоятельности и уж вряд ли возьмет на себя инициативу подобного рода. Это, конечно, не значит, что надо было бы отказаться от сотрудничества с той частью русских, которая искренно пойдет по пути самостийности в интересах своего Края, в интересах скорейшего его освобождения от большевицкого ига.

Повторяем: соотношение разных частей населения Д. Востока диктует в первую очередь с г о в о р к а з а ч е-у к р а и н с к и й. И те и другие могут стать искренно на путь самостийности. Мы не боимся первыми поставить этот вопрос, тк., несмотря на свою малочисленность, казаки были первыми добывателями и колонизаторами того Края.

Казаче-Украинское соглашение могло бы действительно создать на Д. Востоке большинство, способное поставить и решить вопрос успешно. И, наоборот, ни тем, ни другим в отдельности задача была бы не под силу.

Такое соглашение тем более возможно, что оно не будет требовать ни от одного из участников отказа или умаления своих прав и интересов, а, наоборот, только взаимно дополнять друг друга и помогать прежде всего себе же...

Поставив вопрос Дальневосточного государства и судьбы в нем 430 тысяч наших братьев казаков Войск: Забайкальского, Амурского и Уссурийского, мы вернемся к нему в свое время еще, вероятно, не раз, сейчас же ограничимся только некоторыми замечаниями к приложенной таблице территории и населения Дальне-Восточного Края.

В основу помещаемой при настоящей статье таблицы положены официальные данные советской стати-

Территория и население Дальне-Восточного Края.

Округа	Пространство в тыс. квадрат. километр.	Всего населения по переписи 1926 г.	В том числе по народности							
			Бурят	Казаков	Украинцев	Русских	Белоруссов	Корейцев	Китайцев	Прочих
1. Владивостокский	690,2	572.031	70	26.609*	273.768*	58.131*	9.878	145.500	43.504	14.571
2. Хабаровский		188.360	—	30.000*	89·530*	25.074*	11.886	13.472	7.445	10.953
3. Николаевский		37.867	—	—	5.000*	14.008*	315	1.802	—	16.742
4. Камчатский	1.345,2	34.958	—	—	1.000*	6.181*	32	—	—	27.745
5. Сахалинский	38.0	11.859	—	—	2.000*	5.673*	198	34	—	3.954
6. Амурский	401.0	395.783	—	48.794*	220.666*	88.258*	14.972	5.194	8.143	9,756
7. Зейский		50.392	—	20.000*	8.036*	13.992*	2.107	236	2.838	3.183
8. Сретенский	299.9	203.943	409	90.000*	2.517	100.840*	566	101	2.515	6.995
9. Читинский		386.158	8.167	190.000*	7.718	162.423*	1.170	227	4.363	12.090
10. Монгольско-Бурятская АССР.	278.8	491.236	215.055	24.028*	1.982	234.768*	—	—	—	15.403
Итого:	3.053.1	2.372.587	223.701	429.431*	612.217*	709.348*	41.124	166.563	68.808	121.392
			9.4%	18.1%	25.8%	29.9%	1.7%	7.0%	2.9%	5.1%
			1.265.349—53.3%					в том числе: 155.404 иностранца.		

стики, напечатанные в таблицах, составленных д-ром Т. Олесевичем. Число казачьего ниселения, согласно исчислению, приведенному в статье И. Билого (см. „В. К.“ № № 19-23), отнято от числа русских (большевики в своих переписях казаков записывают в „русские“). Число украинцев установлено исправлением и согласованием данных переписи 1926 и 1923 годов. Число это является минимальным. Исправленные числа и графы означены знаком*.

Сама таблица составлена д-ром Т. Олесевичем.

Чужинец.

Английское казакофильство в конце XVIII и в первой половине XIX-го века.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Интерес к казакам проснулся у англичан довольно поздно, не ранее появления казаков с Суворовым в долинах Ломбардии и в Альпах (1799), где они боролись с войсками революционной Франции. Весть о походе всего Войска Донского на Индию (февраль-март 1801 г.) весьма обострила желание англичан познакомиться поближе с этим воинственным народом.

Еще недавно, в начале царствования имп. Екатерины II английский путешественник Белл*) доверчиво слушал своих польских осведомителей о казаках и покорно передавал соотечественникам слышанный им вздор, а те ему (в том числе и знаменитый историк Гиббон) верили. „Лица, знающие этих разбойников, — писал Белл. — коих поляки зовут „гайдамаками“, а русские „запурусскими“ казаками, уверяли меня, что это войско бродяг, составленное из бесконечного числа отбросов (mauvais sujnts — франц. перев.) разных наций“... „Его зовут „военным орденом“, если такое имя можно приложить к разбойничьей шайке. Представьте себе, что гроссмейстер этого „ордена“ называется „Каша-Вар“ (Casha-Var), что на их языке значит что-то вроде „старшего повара“... (так об'яснили Беллу название и значение „кошевого“).

Последние годы XVIII-го и начало XIX-го века ознаменованы переводом на английский язык ряда серьезных сочинений о России, а в 1810 г. появляется замечательное описание путешествия по России, совершенного в 1800-м году англичанином (точнее шотландским ученым) доктором Э. Д. Кларком. Он проехал Войско Донское с севера на юг, и, стал с интересом прислушиваться ко всему, что он слышал о казаках**).

„Приближаясь к южным областям Империи, характерные черты русского народа ослабевают чувствительным образом. По мере того, как путешественник удаляется от того, что он по ошибке принял за цивилизованную часть русской монархии, он все менее имеет оснований жаловаться на воровство, ложь и обман, и однако порода людей, которой сделали бы слишком много чести, проводя какое либо сравнение между нею и казакам и даже татарами, пытается внушать (путешественникам) недоверие к жителям Украины и Дона“!..

„На войне казак, вдали от родной земли, становится вором, так как грабеж составляет часть военных привычек, в которых он воспитан. Но, если иностранец приезжает в страну, где казак живет со своею семьею, он не находит народа более гостеприимного и достойного уважения... У малороссов не знают замков ни на дверях, ни на сундуках, а у казаков, как в Швеции, можно послать открытый ящик на расстояние в 500 миль, не боясь ни за одну вещь в нем.

„Роуэн“ английский банкир в Москве, по несчастному стечению обстоятельств, должен был покинуть среди Земли Донских Казаков свой экипаж. Бесплатно и безо всякой его просьбы ему доставили его экипаж в Таганрог, со всем, что к нему принадлежало и в нем находилось. Попробовали бы оставить среди русских экипаж с сундуками, хотя бы и под двадцатью замками“ (I, 268-269)!..

Кларк пояснял свой интерес к казакам: „род независимой жизни этого народа; его спокойствие среди родных очагов: его военная деятельность; его положение в отношении остальной Европы; место, которое он должен был бы занимать на великой общественной лестнице, — все это в нем заслуживает особливого внимания путешественника“ (I, 291). Трудно более лестно об'яснить свой интерес к чужому народу. Так писал Кларк, еше не видя донцов.

В первой же станице он записал: „есть что то по истине воинственное и даже внушительное в первом встречном нами казаке. Его величественный и важный вид, высокий лоб, черные усы; его шапка с малиновым верхом (cramosi), высокий рост, довольство, грация походки — все придает ему очень импозантный вид“..

Казачью шапку Кларк считал „одним из украшений казака“... „Она подходит к каждой физиономии и дает бесконечную грацию осанке, самое незначительное лицо приобретает важное выражение благодаря (казачьей) шапке“...

„Ни один народ в мире не изыскан столь в одежде, как казаки, и это относится к мужчинам и женщинам всех возрастов“ (I. 301).

„Казаки заслуживают похвал чистоте их тела и их жилищ. Ни одна нация, не исключая и моей собственной, — добавлял Кларк, — не заботится так о своей одежде, как казаки“. Молодежь одевается элегантно. Ни разу и ни на ком не видел Кларк на Дону грязной одежды (I, 389).

Очаровали его и жители Черкасской станицы.

„С вежливыми манерами, с развитым умом, гостеприимные, щедрые, с бескорыстным сердцем, человечные и нежные в отношении бедных, добрые мужья и добрые отцы, нежные супруги и добрые женщины, целомудренные дочери, храбрые и почтительные сыновья, таковы жители Черкасской. В обычной жизни казак выказывает отличный характер, ибо он образован, свободен от предрассудков, доверчив, искренен и справедлив“...

Тут Кларк возвращался к излюбленной им теме. „Поставьте казака рядом с русским“, — писал он. „Какой контраст!.. Один — это буквально свинья на двух ногах, обладающая всем скотством этого грязного животного, только с добавкою мошенничества; другой (стало быть, казак) это — разумный член общества, столь же почтенный, сколь и достойный уважения“ (I, 391-392).

Кларк с негодованием обвинял русских в распространении ложных слухов, об отрицательных качествах казаков (I, 401). Говоря о разных об'яснениях казачьего происхождения, Кларк восклицает: „стоит видеть этот народ, пожить с ним, чтобы убедиться, что казаки никогда не имели ничего общего с русскими, за исключением их говора (идиомы), которым они начали пользоваться с момента принятия христианства“ (I, 374).

По поводу происхождения казаков Кларк усердно повторял сведения о команах и хозарах, как казачьих предках (I, 407-408), о „Касахии“ Порфирогенета (с. 377), но высказывался против польского происхождения

*) Bell d'Antermoy «Voya ges dépnis St.-Petesbourg en Russie», Paris, 1766, v. III, p. 274.

**) E. D. Clarke „Travels“ etc., London, 1810, по франц. „Vnyages en Russie“, Paris, 1812, v. I (passim).

(с. 373). Однако он признавал, что „беглецы из Польши“ помогли донцам взять Азов (с. 375).

По словам Кларка, казачьи интеллигенты говорили ему, что Донские казаки — смесь черкесов, малороссов, великороссов и татар, к которым присоединялись отдельные поляки, греки, турки,армяне и калмыки. По-видимому, таким, донским интеллигентом, чуть-ли не единственным в эту эпоху, был Алексей Попов, директор сперва училища, а затем Донской гимназии, выпустивший в 1814 г. в Харькове 2 тома своей „Истории о Войске Донском“. В ней не было ни слова о Войске, до истории его он так и не дошел, запутавшись в скифах, команах и хазарах.

По поводу территории Войска Кларк отмечал притязание донцов на земли, отведенные правительством сперва для Темерницкой таможни, а потом под „округу крепости св. Димитрия Ростовского“, а также и на те, что Екатериною II были пожалованы бежавшим из Крыма армянам (Нахичевань-на-Дону и армянские селения тогдашнего Ростовского уезда Екатеринославской губернии). „Казаки — говорит он (с. 416), — рассматривали эти земли, как барьер между ними и Империей“.

Переселения казаков на новые места Кларк считал нарушением казачьих прав. Думая о последней грандиозной попытке заселить „линию“ (на Кавказе) донцами (в 1793 г.), он писал: „Я не удивляюсь, если путешественник, прибывший на Дон после нас, увидит, быть может, и все племя (race) Донских казаков выселенным из родного края и поселенным на высотах Кавказских гор“ для борьбы с горскими народами. „Они, — добавлял он меланхолически, — встретят там, на Кубани, Черноморцев, столь недавно пришедших с Днестра“ (с. 416).

Как англичанин, Кларк высоко ценил значение свободы в истории Дона. „Ничто, — писал он, — так не способствовало увеличению колонии Донских казаков“ (так называл Кларк Войско Донское), „как свобода, которой они пользуются. Окруженные странами, где рабство было организовано, они представляют собою единственное в своем роде зрелище республики, увеличивающейся ежедневно“ (благодаря притоку ищущих свободы беглых).

Волжских, Яицких и Сибирских казаков Кларк считал единственно колониями Дона (с. 380 381). Он подробно описывал „собрание старшин“ 1800-го года (с. 371-372). По поводу „регалий“ войсковых Кларк заметил, что, вопреки прямому смыслу этого слова (жалованное царями“, regalia), это скорее республиканские знаки достоинства, знаки магистратов республики (с. 368).

Уезжая с Дона, на вопрос офицера из гарнизона Азовской крепости, презрительно отозвавшегося о донцах, как они ему понравились, Кларк вспыхивает и хочет разразиться монологом в честь казаков, но потом сдерживается (он путешествовал с подложными документами) и резко спрашивает: — „А вы то сами бывало в Земле Войска Донского“? — „Нет“!.. — „Так, как же вы можете говорить о них подобным образом“?!..

Заканчивал Кларк свое казакофильское и руссофобское описание Дона размышлением; „так как Донские казаки ненавидят (betestent) русских, то однажды может случиться, что, уверенные в своей силе, эти казаки, слишком мало до сих пор оцененные, дадут более живо почувствовать это своим господам и властителям“ (с. 379).

С крайним неудовольствием вспоминал Кларк, что Войсковой прокурор („русский“, подчеркивал он, „не казак, единственный русский изо всей казачьей администрации“) запретил казачьим офицерам снабдить его точными копиями с карт Земли Войска из войскового правления и атаманской канцелярии.

Через полгода Войско Донское выступило в поход против Англии.

В 1807 г. появляется в Лондоне брошюра: „Характерные черты различных казачьих племен“,*) автор которой производил всех казаков от украинских.*)

Много писалось о казаках в 1813—1814 г. г., когда Землянухин, посланный Платовым в Лондон, привез англичанам весть об освобождении Гамбурга казаками. Но все же эти восторженные отзывы касались лишь военных качеств и доблестей казачьих, а не их политической истории.

После 1815 г. интерес к казакам в Англии несколько упал. Отыскивая причину ревностного служения казаков России в эпоху Наполеоновских войн, сэр Роберт Вильсон в своей безымянной книге „Очерк военного и политического могущества России в 1817 г.“) приходил к убеждению,**) что она лежит в мудрой политике России — „быть в Европе — европейской, в Сибири — азиатской, а в Америке***) — американской державой“... „Именно эта система законодательства и присоединения (connexion) сохранила ей, вообще, повиновение Финов, Литовцев, Курляндцев, Подолян, Волынян, Сарматов и Татар и воодушевила ревностным пылом Донских и Волжских казаков на службу власти, против господства коей они столь долго боролись“...

После 1815 г. пути Англии и России начинают расходиться, и в царствование имп. Николая I обнаруживается противоположность политических интересов этих держав. Из довольно богатой литературы в 1830—1840 г. г. мы возьмем несколько примеров английских взглядов на Казачество и на положение его в Империи. Враждебные России, они, согласно традиции, установленной Кларком, дружественны в отношении казачества.

В 1844 г. вышли в Лондоне, а в 1845 г. в Париже „Разоблачения насчет России или имп. Николай и его империя в 1844 г.“ за подписью „английского резидента“.*) Был-ли он дипломатом, или коммерсантом (французский переводчик Nobet считал его радикалом, сторонником „Молодой Англии“), все равно, можно сказать, что он жил в России, знал ее и очень живо ее описал.

Эпиграфом он поставил слова Мэнтенон: „рано или поздно все узнается“. Проникнутый глубочайшей ненавистью к царскому самодержавию и его неограниченности, автор не любит и русский народ, хотя повторяет о своем к нему сочувствии.

Он протестует против сочинения Маркиза де-Кюстин, назвавшего русских „болокурыми арабами“: он (Кюстин) „смешал Московита кроткого, работящего, слабого, бледного, питающегося ржаным хлебом, с Казаком, подвижным, ожесточенным, питающимся мясом, с глазами, полными огня“ (I, с. 10).

Отметивши веру русских крестьян в царя, он пишет: „Но это не единственный элемент царского могущества; у него в зависимости Казаки, которых конные массы преданы ему, как свора псов охотнику, который ей улюлюкает“. Нобле, французский переводчик заметил здесь: „преданность казаков нам кажется весьма проблематической, и мы думаем, что как только они будут иметь более или менее обоснованную надежду завоевать путем восстания свою прежнюю национальную независимость, они не более, чем поляки, будут сопротивляться желанию вновь испытать военное счастье“ (цротив России).

Английский автор полагал, что „Казаки ежедневно привлекают к царю татарские и монгольские племена, рассеянные, на пространстве 900 льё, по степям, отделяющим южную Азию от северной“. Автор сравнивал казаков с птицами и леопардами, обученными человеком для завлечения в рабство себе подобных (I, с. 15-16).

*) „The Characteristic Sketches of various Tribus of tche Cossacks, London, 1807.

*) Ср. поверхностный очерк С. подоляника „Українець за кордоном і мандрівка в минуле“, Київ „Дзвін“, 1912.

**) Sir Robert Wilson „A Sketch of the Military and Politikal Power of Russia in the Year 1817“, London, 1818, p. 130.

***) В XVIII и XIX в. (до 1867 г.) Россия владела колониями в С. Америке.

*) „Revelations sur la Russie ou tempereur Nikolae et son Empire en 1844. Par un resident anglais, Paris, 1845, 3 v.

Николай I поработил русское дворянство почти так-же, как крепостных крестьян. „Он лишил Донских казаков их привелегий. Эти казаки — первые из многочисленных племен, проникших в Сибирь и завоевавших степи, в которых Московиты были бы погребены, как в волнах Океана. Они всегда с преданностью служили империи; они не требовали, как другие племена их расы, ничего, кроме права служить по своему. И они получали это право, пока их боялись; но как только московское население возрасло вокруг них, как Николай сразу отобрал у казаков их свободы". Такова же его политика и в отношении Финляндии, которая вскоре будет управляться, как Россия (I, с. 19—20).

Автор не может вынести замечания Кюстина „о красоте Московитов", и — хотя Кюстин не был ни на Дону, ни на Украине, — автор английской книги говорит: „Кажется, Кюстин смешал Московитов чистой расы с жителями Малороссии, с народом Украины, принадлежащим к казачей расе". Он добавляет: „казаки, как мы это покажем далее, не суть более московиты, чем те являются поляками или чем голландцы — англичанами. Так как постоянная цель русского правительства состоит в том, чтобы изгладить всякую память о первоначальном собратстве казаков и поляков, та же мысль вдохновила и русских писателей и, в особенности придворного льстеца Карамзина (в courtizan Karamzin).

„Первоначальная история России упоминает о казаках до появления замечательных племен, ныне носящих это имя; отсюда вывели заключение об их „московитском" происхождении, вследствие смешения идей, происходящего быть может, от того, что слово „Казаки" употреблялось в некоторых соседних странах, чтобы безразлично обозначить вольные войска Российской Империи" (с. 89—90).

Рассказавши о тяжком положении крепостных крестьян, автор оговаривался, что „ничто из рассказанного не должно быть прилагаемо к обитателям Малороссии*), Бессарабии или к Землям занятым „казачьей расой". „Эти народы никогда не испытывали ига личного рабства, и даже теперь (1844) казаки пользуются большой свободой". Разводя стада скота, казаки едят много мяса, что дает им мускульную силу, вид силы и независимости, отличающий их от их братьев-московитов.

„Если вымогательства агентов правительства возложили уже иго на жителей Бессарабии, то Казаки, раса пылкая и характера подвижного, управлялись доселе с большой мягкостью. Корона имела благоразумие затрагивать пока лишь (политические) вольности Донских казаков. Страстно влюбленные в войну и кочевники по склонностям, они образуют естественно самое предприимчивое племя (race) в Европе".

В доказательство этой мысли автор сообщал, что „завоевание Сибири было делом очень малого числа казаков; горсти их было довольно, чтобы овладеть Камчаткой и проникнуть на американский континент"... Похваливши их военные качества, выказанные во время последних европейских войн, автор писал: „на коне с юных лет, они родятся воинами, и военная служба, которую они призываются отбывать втечение нескольких лет, под командою их собственных офицеров, для них менее тягостна, чем удовольствие, предвкушаемое ими заранее. В общем, они живут счастливо под русским игом. Они употребляются наиболее для охраны обширных границ или служат бар'ером между Россией и непокорными народами"...

Автор заключал: „пока русская политика сумеет примирять с собою этот замечательный народ, цари будут иметь в своем распоряжении элементы лучшей кавалерии в Европе"... Казаки это — народ, „на верность коего (царям) своей цивилизации не будет иметь никакого влияния, пока будет находиться занятие для конного мародера или для прирожденного солдата (I. с. 131-132).

Во втором томе автор коснулся казаков лишь мимолетно, утверждая, что казаки происходят скорее всего от „малороссов": „это от того корня (souche) пошли воинственные племена (tribus) казаков" (II, 156—157).

В третьем томе, говоря о русской армии, „английский резидент" писал: она находит значительную помощь своей легкой кавалерии в казаках. „В особенности этому народу обязаны русские тем, что могут столь изумительно расширять свои владения... Благодаря ему русский царь может собрать конницу более многочисленную и значительную, чем все другие европейские державы, вместе взятые... Всякий казак-воин, которого, при призыве в ряды войск, не надо учить и организовывать" (III. с. 21, 23).

Автор отмечал единство казачьего духа: „казаки Бугские, Донские, Уральские, Оренбургские, Астраханские, Черноморские, Сибирские, все эти народы, отделенные друг от друга сотнями верст, хотя и рассматривают себя, как разные нации, воодушевлены одними и теми-же воинскими наклонностями" (III, 26).

Усердие казаков к службе Империи исторгало у автора удивление и сравнение их с собакою пастуха, не сознающего своего собственного рабства" (III, 41). С этой точки зрения оценивал он значение Черноморских казаков для покорения горцев Зап. Кавказа: „одни борятся за свою независимость, за свои долины, другие за расширение Империи (III, 48).

„До настоящего царствования [до Николая I] Донские казаки видели уважение со стороны России к их чисто демократической конституции.*) Но Николай с успехом попытался уменшить их привилегии, к коим они проявляют такую преданность; и хотя предприятие это распространено пока лишь на одно донское племя, вряд-ли дело на этом остановится".

„Царь успел совершенно лишить их (донцов) их прав и, однако, сделал это так ловко, столь искусным образом, что этот народ остался почти нечувствительным, подобно дикому коню, который по всей вероятности, начнет чувствовать аркан лишь тогда, когда он начнет давить ему шею" (III, 50).

Описавши прежний способ служения донского казачества, избирательность всех должностей, всеобщее равенство, автор писал: „они стали во всяком случае слишком богаты и были слишком счастливы своею независимостью, чтобы не оскорбить этим взоров деспотизма. Перемены начались со введения у них рабства" (крепостного права). „Русские крепостные были переведены в их страну и поселены в ней. Это был первый шаг. Вторым было дарование старшинам офицерских рангов и дворянских прав".

„Через двадцать лет от настоящего момента (1844), — пророчествовал английский „резидент", „быть может и значительно раньше если ничто не прервет хода событий, Донской казак станет в своем собственном краю тем-же, чем теперь является Московит. Твердый и радостный вид вольных поколений исчезнет; мы увидим казака согбенным под игом всех этих притеснительных учреждений, составляющих удел русского раба"...

Если автор был пессимистом (и, как оказалось, чрезмерным) в отношении донцов, то он выказал излишний оптимизм в отношении других Войск. „Что касается его (донского казака) собратьев, — писал он, — то они слишком удалены от центра Империи, чтобы уже в скором времени Николай попытался-бы возобновить над ними опыт, начатый им по отношению к детям Дона" (III, 82). Положение об управлении Войском Донским было довольно скоро распространено (с мелкими поправками) и на остальные Войска.

В 1848 г. польский эмигрант граф Красинский выпустил на англ. яз. в Лондоне брошюру „Украинские казаки", содержавшую „биографические заметки о наиболее знаменитых казачьих вождях или атаманах".**)

*) Увы! Английский резидент ошибался, ибо часть населения Украины была закрепощена! Ч у ж.

*) Английский писатель ошибался: имп. Николай I-й нанес в 1835 г. лишь последний удар автономии Дона, политика же ее ограничения началась с Петра. Срав. С в а т и к о в „Россия и Дон", Вена, 1924.

**) The Cossacks of the Ukraine comptising biographical notices of the most celebrated cossackschiefs or attamans, by Count Henry K r a s s i n s k i, Londo n, 1848.

В числе украинских „атаманов“ автор поместил не только Хмельницкого и Мазепу, но и Железняка и Гонту, и даже (!) Разина и Пугачева, добавивши еще на закуску „Княжну Тараканову“ и фаворитов Екатерины II-й. Ничего нового автор не сообщил, но полезен был хотя тем, что напоминал Англии о казачестве и его исторических вождях.

К той-же эпохе относится и путешествие по России (с коммерческою целью) Лауренса Олифанта, книга которого вышла по английски, а в 1854 г. и по французски.*) И этого англичанина пугали почему то ужасами, ожидающими его в Земле Донских Казаков, и он, подобно предшественникам своим, дал о казаках отличный отзыв. На Дону его поразило изобилие самоваров, и он сделал шутливое замечание о том, что, если бы завтра царь издал указ о запрещении самоваров, революция вспыхнула-бы немедленно, и это был бы конец России. Он огорчился, не найдя в Ново-Черкасске ничего характерного, национально-казачьего, что видел Кларк в Старо-Черкасске полвека назад. „С правами и обычаями, которые их некогда отличали, — печально отметил он, — казаки потеряли всякие признаки их первоначальной независимости. Они постепенно поглощаются Российской Империей, и как племя, которое должно вскоре угаснуть, они ежедневно теряют что нибудь из своей национальной оригинальности“ (с. 126)...

„Нет ничего выгоднее для России, как положение этой провинции (Земли Донских Казаков) и воинственный характер ее жителей“. При образе казачьей жизни и службы достаточно созвать нужное число людей, чтобы получить в тот-же день боеспособный полк. „Всякий казак от рождения предназначен для военной службы, и русские кончили тем, что всерьез уверили самих себя, что этот народ не имеет никакого другого призвания на этом свете, как сражаться“...

По поводу этнологического об'яснения происхождения казаков и филологического значения слова „казак“ Олифант замечал, что уж, конечно, не казаки сами разрешат эти вопросы, которые навсегда останутся интересной темой научных изысканий.

„Одно — верно, это то, что происходят-ли казаки от единого племени или нет, но они питают самую неумолимую ненависть по отношению к русским. Лишенные почти всех своих былых привилегий, эти люди, жившие прежде свободными гражданами республики и зависевшие лишь от своего атамана или президента, низведены в настоящее время до того же рабства, в коем пребывают жители других провинций Империи. В былые времена всякие отличия в чинах были неизвестны у донцов; теперь у них существует настоящая аристократия“. Дальше шли речи, показывающие, что Олифант смешивал то, что он слыхал о казаках и о донских крестьянах, попадавших в крепостные к донским дворянам: „в казачьей республике все блага земли были для всех; под московским владычеством, страну разделили на сословия, подчиненные крепостному состоянию (servage), и те, кто в других губерниях, как крестьяне государственные, были бы относительно свободными людьми, видят себя беспрестанно подверженными насильному зачислению в царскую армию“. По-видимому здесь говорится о казаках и их обязательной и поголовной военной службе, потому что автор добавляет: „Эти бедные казаки поистине могут жаловаться на свою репутацию храбрецов, которую русским так трудно приписывать себе“...

Вывод Олифанта клонился к расказачиванию казачества: „если бы правительство, вместо того, чтобы истощать взрослое мужское население постоянными призывами на службу, поощряло бы казаков заниматься сельско-хозяйственными и торговыми занятиями, то стало бы ясно, что край между Волгой и Доном содержит достаточно элементов процветания“. Помимо естественных богатств края, донские казаки обладают в высокой степени духом предприимчивости, столь редким среди русских и являющимся одним из последних прибежищ их древней независимости“ (с. 127—129).

Заканчивал свою книгу Олифант напоминанием, что „половина громадной территории, именуемой ныне Европейской Россией, была присоединена втечение последних 60 лет [1793—1853]. Половина жителей Империи состоит из побежденных, более или менее враждебных правительству самодержца“. Он перечислял магометан, вообще, прибалтийских жителей, поляков, жителей Новороссии... „На восточной окраине империи живут среди безграничных степей эти казаки, которые являются лучшими солдатами царя, но сожалеют еще о своем прежнем республиканском устройстве“ — (с. 303), не говоря о калмыках, нагайцах, жителях Крыма и Закавказья. Поэтому Олифант считал, что Россию, даже Европейскую, нельзя считать монолитом. Она создана из различных, плохо соединенных элементов и может не выдержать умело направленного удара.

Как мы видим, сочувствие англичан казачьей свободе было довольно горячим и вполне искренним. Но, когда разразилась Крымская война, Англия не пожелала вступить на путь, на который звали ее польские эмигранты и некоторые довольно влиятельные французы, — попытаться взорвать Российскую Империю изнутри, призвав к восстанию народы, которые считали себя или считались в Европе угнетенными.

*) Laurence Oliphant, „St Pétersbourg et Moscou“ Paris, 1854.

П. Фадеев.

Очерки большевицкой войны на фронте Уральской армии.

II.

Весна 1918-го года.

В ответ на донесение из ст. Илецкой, Войсковое Пр-во прислало в распоряжение комитета обороны (и его главы полковника Балалаева) несколько пулеметов с офицерами. До конца начавшейся скоро распутицы и разливов рек действия наши тем и ограничивались, что мы на всякую попытку большевиков сосредоточиться на станции Ново-Сергиевка отвечали группировкой своих частей по грани.

Формирования наши носили чисто временный — дружинный — характер. Снабжением и довольствием казаков ведали станицы, каждая для своей дружины.

В страстную субботу большевики повели наступление на г. Уральск со стороны Саратова, а на второй день пасхи, согласно просьбе оренбуржцев, из ст. Илецкой выступили 2 сотни в направлении на Оренбург, чтоб тем самым показать оренбуржцам, что мы целиком единодушно против красных, чтоб помочь убедить сомневающихся и вместе, со вновь сформированными частями, взять Илекскую Защиту (соляные промыслы) и со стороны Ташкентской ж. д. линии, после всего, напасть на Оренбург.

Эта миссия сотнями была выполнена блестяще. Оренбуржцы (станицы: Краснохолмская, Дедюривская и Павловская) после коротких колебаний поголовно присоединились к уральским сотням и в количестве до 3-х тысяч, с обозами и продовольствием, двинулись на Илекскую Защиту. Т. о. она к концу пасхальной недели была обложена совместными частями уральских и оренбургских казаков. Связь Оренбурга с Ташкентом была прервана. Два раза казаки атаковали Илекскую Защиту, но взять ее не могли по той причине, что оренбуржцы были в тот момент в стадии формирования и заняты были больше организацией восстаний по другим своим станицам. Тем не менее факт нарушения связи Ташкент — Оренбург имел большие последствия на ход событий в ближайшем же будущем.

Станция Ново-Сергиевка — постоянный мозоль на казачьем глазу — ночным налетом была занята казаками-уральцами (ст. Илецкая, Студеновская, Мухрановская и Мустяевская), где отбито было много оружия и припасов, а г. Оренбург, т. о., оказался отрезанным и от Самары и от Ташкента. На казачьих землях Оренбургской губ. были подняты повсюду восстания. Дни Оренбурга были сочтены. И действительно, вскоре после взятия станции Ново-Сергиевки совместными усилиями уральских и оренбургских казаков Оренбург был отбит у красных с большими потерями для них и военной добычей для победителей-казаков.

После взятия Ново-Сергиевки, Оренбурга и ряда наших успехов на Саратовском направлении, красные почувствовали достаточно серьезного противника в лице уральских казаков. В силу этого они усилили свои части, как со стороны Саратова на Уральск, так и со стороны Самары на Оренбург, задевая нас своим правым флангом. На Саратовском направлении появились броне-поезда и автомобили. Пехотная их группа была увеличена от 10 т. до 15. штыков (действовавшая лишь по ж. д. линии) с превосходящим нас во много раз количеством пулеметов и пушек.

Войсковое пр-ство всеми силами старалось усилить свои части: дружины были сведены в полки, было об'явлено формирование 2-го к. учебного полка, своими средствами был приготовлен броне-поезд и несколько автомобилей, связались с чешскими легионами, откуда были получены винтовки, патроны и снаряжение. Тем не менее в начале мая 1918-го года красные, тесня казачьи части, подошли на 7 верст к Уральску со стороны Саратова. Уральск начал эвакуацию.

В этот момент все, что было здоровое, могущее быть так или иначе полезным на фронте, направлялось под Уральск для защиты своей столицы. До 5 т. бойцов было сосредоточено там.

Второй учебный конный полк, только что собранный на Яманском сб. пункте для обучения, не пройдя не только курса стрельбы, но не зная даже самых простых ружейных приемов, выразил желание пойти (в пеш. строю) на защиту Уральска, куда и был отправлен. Курс стрельбы проходил на фронте. Офицеры и урядники учили казаков заряжать винтовки, брать прицел в цепях в 400 шагах от противника. В первом же бою потери были огромны (до 50 ч. из сотни убитыми и раненными), а в командном составе % потерь был вдвое больший. В 3-ей сотне этого полка из 5 офицеров 3 были ранены в первом же бою.

11—12-го мая целый день казаки вели бой в семи верстах от Уральска, заняв позиции по пруду и арыкам С.-Х. школы, а левым флангом выходя чуть не до Круглоозерного. На каждую атаку большевиков отвечали контр-атакой. В этот день была, как раз, знаменитая „атака стариков", которые массой — кучей, — не обращая внимания на невыгодное свое исходное положение, подогретые исключительно своим сознанием превосходства над „сиволапым мужичьем", с криками „ура" бросились на красных, будучи почти без оружия, на неоседланных „маштаках" (на красных подушках, подтянутых чересседельниками), сметая все по пути и увлекая за собой даже стариков водовозов (самые древние, занятые подвозкою воды для казаков в цепях), которые тут же выпрягали лошадей, бросали бочки и неслись вместе с остальными в атаку, часто угрожая противнику всего лишь путами для коня или вилами. Полковник М., командир этих дружин, был смертельно ранен в этой атаке.

На другой день рано утром (вернее ночью) противник, напуганный стариками (они атаковали лишь правый фланг противника и не были поддержаны, так как это вышло случайно, а центру и флангу атака их не была видна), как шутила молодежь, и стойкостью всего фронта, незамеченным отошел (верней сбежал) от Уральска. Наши части начали его преследование и догнали лишь на ст. Семиглавый Мор, где он остановился, получив подкрепления.

В бою при защите Уральска погиб от преждевременного разрыва своего снаряда надежда и гордость Войска командир 1-го учебного кон. полка, полковник К у р и н, Сергей Гурьевич.

Інж. **Дмитро Савкевич.**

В справі україно-козацьких взаємовідносин.*)

Прочитавши в ч. 105 „В.К." заклик „До сусідів", де редакція звертається до українців з закликом продумати свої взаємовідносини до козаків, я цілком погоджуюся, що в українських провідних колах не було майже жадної усталеної політичної думки „на схід", не було майже жадної усталеної політики в бік козацького сходу. Маємо лише ріжні українські „настрої" в бік козаків.

Опинившись тут, за кордоном, ми мусимо все це продумати. Лихо в тому, що ми ототожнюємо й плутаємо розуміння національности й нації. Під нацією (в державно-політичному змісті) ми мусимо розуміти співмешканців одної якої небудь держави, що можуть бути й ріжних національностей. Так, наприклад, швейцарська нація складається з людей національного походження німецького, французького та італійського.

Коли творилася формула „Від Кубані аж до Сяну річки одна нероздільна", то українство було в стадії культурництва й боронило лише право своєї мови й культури від зажерливої Москви. Тоді всі були однодумні. Коли ж ми вступили у вищу стадію політично-державного будівництва, то виявилось, що в стару форму в жадний спосіб не втиснеш нового змісту.

Ми, українці, маємо багато наших виселенців в Канаді, що оселилися там на віки. Вони добрі громадяне Канади. Живуть в згоді зі своїми сусідами англійцями й вибороли собі право мати англо-українські школи. В більшости належать до Української Православної Церкви, що визнає своїм духовним центром Київ. Всього свого не цураються й українське життя там квіте. Про прилучення їх до Української держави не може бути мови. Зелений Клин, тоб то околиці Далекосходу (Владівостоку) теж ми державно не прилучимо до себе. В Південній Америці, зокрема в Бразилії, теж є наших людей чимало В Семиреченській області українці теж хочуть жити своїм українським життям і не рвуть духовного звязку з Київом, як з духовним центром. Очевидно нам, ухраїнцям з Великої України, треба собі усвідомити, що ми є лише хранителі національного вогню, а Київ мусить бути Єрусалимом для українців, що розкидані по цілому світі.

Приклад такої державної роздільности, але національної єдности ми бачимо у французів. Крім французької республіки, французи ще живуть в Швейцарії та Бельгії. Мають вони спільну літературу й бельгійські та швейцарські письменники є рідні для всіх французів. Кажуть навіть, що професори Паризького Сорбонського Університету та Женевського вимінюються, тоб то Сорбонські професори їздять на певний термін викладати до Женеви й навпаки.

Колись Канада була французькою колонією, але чисто економічні мотиви примусили канадійських французів повстати збройно проти Франції й утворити одну державу разом з англійцями — чужими їм по вірі й мові. Але канадійські французи не зріклися своєї національности й продовжують надалі називати себе французами й боронять право своєї мови й культури та підтримують звязки з рідними для них иншими братами французами.

Ось, на мою думку, нам, українцям з Великої України, треба ставитися до ідеї Козакії так само, як фран-

*) Від ред. Стаття друкується в діскусійному порядкові.

цузи до Швейцарії. Вигоди для нас з цього колосальні і в инших обставинах ніколи не зреалізовалися б. Ми маємо доброго союзника, що до нас не лізе по наше добро, а ми до нього. Оборонна лінія з вічно зажерливою Москвою робиться дуже невеликою й ми маємо змогу ті кошти, що треба було б витрачати на збільшену армію, витратити на своє господарство. На території Козакії є багато українських етнографичних островків, що на випадок прилучення цих земель до Росії, будуть винародовлені, а в складі Козакії вони заховають свій український характер й матимуть змогу цілком вільно розвиватися.

Перечислимо, для прикладу, землі усіх Військ Козакії: На Дону живе багато українців в околицях Таганрогу, що в складі Козакії матимуть такі права, як французи в Швейцарії, тоб то свій університет, школи, рівноправність мови та, з благословення Донського Патріарха, українських священників, що служитимуть в церквах українською мовою. Те ж саме матимуть й инші українці, що роскидано живуть по Донеччині. Автономна Німецька Республіка, що чомусь на мапі не включена до складу Козакії, має абсолютну більшість населення українців і тому мусить бути прилучено її до Донеччини. Теж само до Донеччини мусять бути прилучені повіти колишньої Воронізької губернії, де живуть українці.

Звернуся тепер до Кубанщини, що залюднена рідними нам по крові нащадками Запорожців. Під словом Кубанщина я розумію не лише колишню Кубанську область, але й Чорноморську губернію та ту частину Ставропольщини, що заселено українцями.

Коли я себе називаю українцем з Великої України, а англійсько піддані в Канаді називають себе українцями з Канади, то гадаю, що брати кубанці мусять себе називати українцями з Кубанщини. Одно одному не шкодить. У нас, українців, є дуже гарні звичаї, що коли брати поженяться, то зараз починають ділити господарство: кождий на своє. Хоч трошки й посваряться, то всеж не шкодить їм жити в добрій згоді.

Це нам принесла Москва общину-комуну в розумінню того державного колхозу, що називався Росією й традіції його ще в багатьох не вивітрилися. Й тому дехто марить про єдину неділиму Україну.

Само навіть життя проторує цей шлях та цю єдність. Вістник відродження цілого українського народу, Тарас Шевченко, був рідним та близьким для кубанця Кухаренка, що допомагав йому грішми на засланню. З упадком царату й на Кубанщині почався рух за привернення прав української мови й культури. Ця боротьба продовжується й зараз. Згадаймо хоч історію могострадального „Радянського Станичника", одинокої газетки, шо під червоними окупантами стала розвиватися й кріпнути силами власних передплатників. Це окупаційну владу так сторбувало, що вона газетку негайно зліквідувала. Устами москалів проголошується, що мова населення Кубанщини зовсім не є українська і з нею не має нічого спільного. Цікаво те, що небіщик „Родимий Край", що видавався Богаєвським, повторював слова большевицьких комісарів, що мова чорноморських козаків не має нічого спільного з українською. Зїзд вчителів Кубанщини, що відбувся під владою окупантів, рішуче й сміливо це заперечив та підкреслив, що мова населення Кубаншини є та ж сама, що й на Україні. Навіть по большевицькій статистиці бачимо, що населення Кубанщини визнає себе українцями. На вигнанню ми бачимо, що такий славний вчений, як поважаний пан проф. Щербина, бере жваву участь в життю й будуванню загально української культури.

Може мої слова послужать декому підставою сказати, що яке ж ми тоді маємо право пропагувати Козакію, коли само населення визнає себе українським. Існування Козакії нам, українцям, потрібно з тих саме міркувань, що й французам існування Швейцарії, що має в своїому складі теж французьке населення.

Невже є такі, що мислять собі Кубанщину, як провінцію Великої України? Візьмемо приклад з англійців, що поділилися на ріжні домінії, але проміж себе навкулачки не лупляться. Мешканець Австралії або Канади визнає себе англійцем, але що до справ кишені, то, пробачте, сам собі хоче хазяйнувати. Боляче лише те, що ось тут, на еміграції, бачиш, що багато кубанців мають цілком українські призвища й називають себе нащадками запорожців, не люблять москалів, але в своїому родинному життю та на зовні балакають зовсім не тою мовою, що балакали колись запорожці. Ось над цим треба задуматися, бо дома життя йде вперед так само, як і на В. Україні. Українське життя на Кубанщині вибороло собі право. Слід би було кубанським дїячам на сторінках „В. К." поінформувати своїх земляків про те, що там тепер робиться, бо багато буде праці, коли ми туди повернемося й ми всі мусимо знати тамошнє життя.

Ось хоч би, наприклад, справа з церквою. Гадаю, що у Вільній Козакії не будуть надалі панувати московські архиреї-губернатори, а козаки бажають визволитися не тільки з під влади московського царя, але й з під залежности московського патріарха. Ось козакам, що живуть в Америці, слід ближче придивитися до організації Української Православної Автокефальної Церкви, що провадить там між нашими емігрантами колосальну культурну працю...

На землях Астраханського Війська живе нашого люду теж чимало. Не маю перед собою географії проф. Рудницького й тому не можу назвати число.

Навіть на землях Війська Яїцького ми маємо великі інтереси. Під землями Війська Яїцького я розумію колишню область Уральську та Оренбурщину. Частина Оренбурщини, заселена башкирами, мусить відійти до Ідел-Уралу. Може кому диво, але Троїцький повіт Оренбурщини та Кустансейський Тургайщини мають абсолютну більшість українського населення, що в початках революції вимагало навіть автономії для свойого краю. Ишла жвава національно-культурна праця, що не припиняється й зараз. Навіть склали свою пісню:

За Уралом за далеким, наша пісь лунає —
То азійська Україна волю здобуває.

Прилучення всіх цих земель, заселених українцями, до Яїцкого козацького Війська скріпить це обезкровлене й втративше багато людей Військо й зробить його могутнім, а українське населення матиме волю й можливість вільно жити. Звертаю увагу на цей проект пана Отамана Толстова та прошу Яїцьких козаків висловити свою думку.

На землях Війська Терського живе багато українців. Прикладом може служити пан отаман Вдовенко, що має українські кості — роду запорозького. На жаль, не знаю, чи ці кості обросли рідним козацьким українським мнясом, чи чужим московським. Блаженої памяти Отаман Караулов мав козацькі кості й козацьке мнясо. Земля пером йому.

Так я дивлюся на справу Козакії й вірую, що нам, українцям з Великої України, треба всіма силами підтримувати цю ідею, для нас дуже корисну. Ідея Козакії може зреалізуватися краще при підтримці всього українського населення Козакії, що лише при існуванню цієї держави зможе вільно жити. Існування Козакії є передумова політичної рівноваги й спокою цілого сходу. Коли хто хоче заперечити мої думки, то прошу це зробити цілком академично й без лайок.

Вірю, що вже недалекий той час, коли Українська Народня Республіка увійде до родини світових держав й ми, українці з Великої України, скличемо в Київі Всеукраїнський Конгрес та влаштуємо Всеукраїнську виставку, де українці, по цілому світі в розсіянні сущі, покажуть свої придбання та як вони живуть. Павільйон Козакії буде найбільшим і найліпшим і там будуть наочні докази того, що в складі Козакії українцям живеветься найліпше.

Слава Козакії, Слава!

М. Ліон. Франція.

С. Савельев.

О контрабандной политике.

С разных мест от казаков поступают ко мне запросы относительно комбатантских карточек, рассылаемых ген. Богаевским казакам в ответ на посылку этими последними 15 фр. Спрашивают: что это за „Союз русских казаков“, кем он создан, кто в нем состоит, из кого состоит правление союза, когда и кто его избирал, а главное, спрашивают: верно-ли, что записавшиеся в этот „союз“, при помощи, „членской карточки“ легко могут найти работу?

Не имея возможности отвечать всем непосредственно, считаю необходимым поделиться с казаками на страницах „ВК“ тем, что знаю об этом самом „деле“, а также высказать и свои соображения по поводу этого „бум-бума“.

Прежде всего, нужно внести в это „дело“ ясность, рассеять тот туман, каким сознательно обволакивает свое „дело“ его создатель, т. е. надо изложить суть дела. А суть эта заключается в следующем:

Существует французский Национальный Союз Комбатантов, насчитывающий в своем составе много десятков тысяч членов-французов, обладающий большим моральным весом, и оказывающий своим членам разного рода помощь (есть и другие французские союзы комбатантов). Этот Союз оказывает своим членам помощь в разных случаях: в случаях утери документов, недоразумений с властями, при увольнении с работы, а иногда и материальную помощь во время болезни своего члена, безработицы (хотя для оказания такого рода помощи существует внутри самого Союза специальные организации, как например, кассы взаимопомощи с особыми членскими взносами).

Раньше Главное Правление этого Союза выдавало своим членам и рекомендацию, что часто принималось во внимание администрацией заводов и фабрик при приеме на работу. Но теперь, в связи с сильным кризисом, когда почти никакая рекомендация не помогает в деле поступления на работу, правление этого Союза временно прекратило выдачу подобных рекомендаций, чтобы напрасно не обесценивать силу своей рекомендации.

Такова практическая выгода от вступления членом непосредственно в этот французский Национальный Союз Комбатантов, что казаки делали и раньше, делают и теперь без всякого шума, без всякой „рекламы“. Но кроме практической выгоды, в этом деле есть и моральная сторона — вступить равноправным членом в такую большую и сильную организацию дело не маловажное.

Вступить в этот французский Национальный Союз Комбатантов — это одно, но совсем другое дело — вступить в „союз русских казаков“ Богаевского. Эту разность может понять каждый из того факта, что казаки, вступившие в французский Союз, имеют чисто французский документ: членскую карточку, а Богаевский выдает карточку, разукрашенную во всю ее длину русской трехцветной лентой со штемпелем „унион де козак рус“. Этим самым в глазах французов утрачивается вся ценность этой карточки, хотя бы выданной секцией французского Союза, ибо на этой карточке на первом плане выдвинуто и подчеркнуто, что владелец ее — бесправный русский эмигрант.

Такова фактическая сторона этого „дела“. Повторяю, состоять членом французского Союза и обладать членской карточкой этого Союза имеет большое значение. Но чтобы „членская карточка“ Богаевского принесла ее владельцам практическую выгоду — больше чем сомнительно. И весь шум, поднятый им вокруг этого „дела“, является только контрабандной политикой, направленной против казачьих самостийников.

Очень сомнительно, чтобы у него имелось искреннее желание помочь казакам. И совсем неприкрытой ложью отдает от его слов: „если наш союз охватит большое количество казаков, которое проявит полное внимание к нему и аккуратность в членских взносах, то, может быть, в будущем удастся организовать серьезную помощь старикам, больным, на воспитание детей. Будущее покажет, оправдаются ли эти надежды“.

Как может делать такое заманчивое обещание человек, угробивший всю многомиллионную донскую казну, не оказав никакой серьезной помощи ни старикам, ни инвалидам, ни на воспитание казачьих детей? Как можно не усумниться в его элементарной честности, когда человек в течение 12 лет ничего не сделавши на имевшиеся у него на руках миллионы, теперь обещает создать молочную реку с кисельными берегами на те гроши, которые теперь ему должны присылать казаки?

Следует отметить ту недостойную политику, которая проводится под этим, по существу, по идее, добрым делом: политику упразднения в „декретном“ порядке естественного прилагательного к слову „казаки“ (Донские, Кубанские и т. д.); политику разжалования казаков в „сословие“, в ремесленный цех.

Вообще то, идея создания в французском Союзе комбатантов казачьего отдела родилась не в голове Богаевского. Она родилась в правлении Кубанской станицы прошлого состава, которое и произвело предварительную работу. Подготовив все, новое правление нашло нужным об этом деле доложить, как атаману старейшего Войска, ген. Богаевскому. Последний немедленно проявил „инициативу“ и принял „все меры“ к тому, чтобы не было „казачьего отдела а непременно был отдел „русских казаков“.

Таким образом, отныне, согласно официального обращения Донского Атамана перед иностранным миром, нет ни Донских, ни Кубанских и т. д. казаков, а есть только „русские казаки“.

Точно также, по Богаевскому, нет уже ни казачьего народа, ни даже казачьей „бытовой группы“, а есть только „казачье сословие“, принимаются в его состав „лица, заслужившие право быть зачисленными в казачье сословие“... (См. „Обращение от Дон. Атамана“, газ. „Возр.“ № 2504).

Эволюция — так эволюция. Руби с плеча! Вчера он все таки утверждал, что казаки — особая „бытовая группа“; сегодня — только „сословие“; завтра низведет до цеха ремесленников (военное ремесло!) наравне с цехом сапожников, а послезавтра, в угоду своим хозяевам, может поставить и большой черный крест над Казачеством.

Так, скатываясь со ступеньки на ступеньку, ген. Богаевский от своего категорического утверждения в 1919 году, что Дон является „вновь самостоятельным, ни от кого не зависящим, окончательно определившимся и суверенным государством“, через

С 5-го июня по 6 июля сего года происходила в Праге грандиозная Все-Славянская олимпиада — IX Всесокольский слет. Участвовали все славянские народы. Были и не славянские. Не было только казаков.

Надо, чтобы на X Всесокольском слете участвовали и казаки под сенью государственного флага своей освобожденной, свободной и ни от кого независимой Родины — Казакии.

Этого должны добиться сами казаки.

„бытовой союз“ в эмиграции, ныне дошел до позиции беспрекословного подчинения русскому генералу.

Следует отметить и „игру“ Богаевского на общественную организацию, ибо он уверяет, что им уже образован „союз русских казаков“, т. е. общественная организация. Но всякая общественная организация начинается с организационно-учредительного собрания ее создателей (известно всякому, что один человек представлять из себя организацию не может) которое точно устанавливает цели и задачи своей организации, избирает исполнительный и контрольный органы, определяет размер членского взноса, его назначение, порядок расходования и т. д. Без всего этого — нет никакой общественной организации.

Ничего подобного нет, конечно, у Богаевского, который вдруг издал свой „манифест“ о присылке „членского взноса“ по 15 фр. (не больше и не меньше!), обещал за это прислать карточку и в результате, по неисповедимым путям Господним получилась... общественная организация — „союз русских казаков“.

Но, конечно, Богаевский отлично знает, что делает. Сейчас материальное положение казаков трудное, безработица тяжелым камнем придавила всех, а потому многие казаки готовы поверить всякому намеку на возможность получения работы. Богаевский, знающий эту казачью беду, именно на ней то и играет: прикрываясь моральным авторитетом французского Национального Союза Комбатантов (свой-то утрачен давно!) довольно ясно намекает, что вхождение в „союз русских казаков“ и присылка ему 15 фр. поможет, мол, казакам найти работу (а его „подручные“ так об этом прямо говорят казакам в Париже). И он надеется, что последние кезачьи франки посыпятся к нему, что и требовалось доказать!

Можно быть уверенным, что казаки, отослав свои 15 фр. и не получив никакой работы, никаких реальных выгод, с зубовным скрежетом будут проклинать хозяина „союза русских казаков“, но до этого самому „хозяину“ нет никакого дела — он свое успеет получить!

Хуже того: этой своей непозволительной игрой авторитетом, именем французского Национального Союза Комбатантов, так играющие могут вселить в душу некоторых казаков не совсем желательное чувство в отношении этого французского союза, что он, французский союз-де не сдержал своего обещания, его карточка не дала нам никакой работы. Такое чувство может родиться у тех, кто не разберется в тонкой игре Богаевского, который так искусно свой намек на получение работы связывает с именем французского Союза Комбатантов, с карточкой „за подписью председателя национального союза комбатантов и моею“.

И об этой его „игре“ мы должны довести до сведения казаков, чтобы в их душу не могло вкрасться какое либо недоброе чувство в адрес французов, ибо работу обещает не французский Союз, а только ген. Богаевский!

Вот все то, что можно сказать об „шум-буме“ Богаевского.

А. Т. Жуков.

По старой московской дороге.

(Окончание.)

Dura lex, sed lex. В переводе с латынского это значит: жестокий закон, но все же закон. Смысл выражения заключается в том, что всякий закон, каков бы он ни был, прежде всего закон и, значит, подлежит точному исполнению. Так думали древние римляне, законодательство которых впоследствии явилось образцом для всех цивилизованных народов Европы.

Иное понятие о сущности закона усвоил себе русский человек в его массе: закон, что дышло, куда не повернешь, туда и вышло. Смысл поговорки понятен сам собою. Этого последнего взгляда, как „истинно русские“ люди, придерживаются и некоторые из наших казачьих „вождей“, напр., ген. Богаевский, ген. Науменко, Мельников и др.

При толковании смысла казачьих Конституций наши „вожди“, в том числе и ген. Науменко, напоминают мне еврейских талмудистов.*)

Пользуясь одним и тем же источником, с поразительной легкостью они, смотря по настроению и по тому, что им выгоднее, способны с одинаковым успехом утверждать или отрицать данное положение.

Требуется, напр., блеснуть перед казаками непогрешимостью своего авторитета, — на сцену тотчас появляется Конституция (безоговорочно), основные законы, „воля избравшего их казачества“ и т. д., и наоборот, когда нужно оправдаться в действиях, противоречащих истинной воле Казачечства, сила основных законов моментально упраздняется, „воля какачества“ куда-то исчезает и вам снова в доказательство своей правоты приподносят все ту же Конституцию, но уже в ином виде. Теперь конституция трактуется как нечто временное, не подлежащее исполнению, писанное „впредь до“, причем совершенно умалчивается о том, почему и под чьим давлением появилось злополучное „впредь до“.

Иногда дело доходит до курьезов; напр., когда в Конституции не удается обнаружить никаких следов „впредь до“, тогда „вожди“, не смущаясь этим обстоятельством, начинают нас уверять, что это самое „впредь до“ таинственно подразумевается, ибо наши законодательные учреждения при составлении Конституций писали одно, а думали совсем другое. Поэтому, выражение самостоятельный надлежит на самом деле читать как подчиненный, а слово государственный соответствует слову — областной и прочее. В таких умствованиях особенно наспециализировались г. Богаевский и Мельников.

Очевидно, Донской и Кубанский Атаманы, принося когда-то перед Крестом и Евангелием присягу на верность Войску и во всеуслышание произнося слова текста присяги, в то же самое время про себя упорно твердили шепотком: „впредь до, ... впредь до, ... впредь до...“

Пускай, мол, потом, не только казаки, но и сам Господь Бог попробует разобраться, кому мы присягали: Войску или, против Войска, — матушке Москве.

Невольно при этом вспоминается анекдотическая старуха, которая, подойдя к иконе, изображавшей Страшный Суд Господень, истово крестясь, стала ставить зажженную свечку в том именно месте иконы, где был изображен в пылающем огне черт. Стоявший вблизи дьячек, заметив такой промах старухи, дернул тихонько ее за рукав и внушительно-строго прошептал: — Что же это ты, убогая, соделала? Аль Господа Бога с диаволом перепутала... Свечку-то, мать, кому поставила, слышь? — А ты, родимый, не дергай, не мешай, ответствует старушонка. — Сам-то ты больно немощен духом и других с толку сбиваешь. Батюшка и тот не ведает, где мы на том свете будем: у Господа Бога в раю, али у черта в аду...

Несложную „философию“ страхующейся старушки усвоили себе и некоторые В. Атаманы; перед казаками они клянутся послужить им верой и правдой, а на деле-то свечку возжигают Москве.

Однако, в этом случае вопрос не исчерпывается личностью Атаманов, он касается благополучия всего Казачества и поэтому казаки вправе требовать от своих Атаманов точного и ясного ответа на вопрос: с кем и куда вы, господа Атаманы, идете? С каза-

*) Лица, специально изучающие Евр. книги „Талмуд“, в которых собран обширнейший материал для толкования книг Св. писания применительно к различным случаям.

ками во имя Казачества или с Москвою против Казачества? Хитрые уловки — в сторону. Мы серьезно говорим: не виляй, бабка, хвостом, а говори по совести правду — куда метишь: к Богу в рай или к черту в ад?

Генерал Науменко напоминает: „Мысля себя неразрывно связанным с Россией..." (см. „К. К." № 6, стр. 2).

Допустим на миг, что такое толкование исторического момента соответствует истине. Тогда является вопрос: почему же генерал Науменко, мысля себя неразрывно связанным с единой Россией", продолжает сидеть заграницей? Ведь уже 12 лет существует единый СССР, куда (силою оружия!) включены республики: Украина, Грузия, Дон, Кубань, Туркестан, Горцы Кавказа и т. д. Кажется „государственное единство" осуществлено полностью. Власть в „общероссийском" масштабе тоже налицо... Пойдем далее. „Затянувшаяся борьба" давно прекратилась и вместо „продолжающейся в центре России анархии" образовался организованный на началах строжайшей дисциплины государственный аппарат власти...

Об „упрочении" же в данное время „государственности в пределах Кубанского Края" говорить не приходится, потому что сам Край с большей частью его населения вот уже 12 лет находится в полном распоряжении большевиков.

Итак, все те причины, которые по мнению ген. Науменко обуславливали временный характер государственной власти на Кубани, ныне совершенно устранены и, следовательно, пресловутое „впредь" теряет всякий смысл, а короткое „до" настоятельно и незамедлительно требует „неразрывной связи с единой Россией".

Однако ген. Науменко не думает ехать в большевицкую Россию и фактом своего пребывания заграницей категорически опровергает свои толкования Кубанской Конституции.

Значит, момент „неразрывной связи с Россией" для него еще, повидимому, не наступил. А если это так, то он с логической необходимостью должен признать, хотя бы по его собственной теории — „впредь до". что решение кубанцев о своей независимости и полноте государственной власти в руках своих же законодательных и исполнительных органов остается в полной силе по сей день. Но тогда возникает новый вопрос: почему, в таком случае, ген. Науменко, как глава кубанцев, явно перестает теперь держать себя с подобающим В. Атаману достоинством и не блюдет вверенных ему суверенных прав своего народа, а старается увлечь казаков на старый, кровавый и пагубный путь служения чужим интересам?

Все рассуждения и доводы г. Науменко представляют собой нескончаемую цепь неясностей и непримиримых противоречий. В результате получается полная неразбериха, в которой он и сам вряд ли отдает себе отчет. При таких условиях говорить об атаманской политике или даже просто линии тактического поведения было бы смешно. Пусть теперь сами казаки расценят удельный вес наших горе вождей и будут осторожны в своих симпатиях по доверию. С такими руководителями, кроме новых бед, ничего другого не наживешь.

Перейдем теперь к полк. Соломахину, которого в Париже казаки называют не иначе как „кубанским Соломоном"... Это имя он получил там за свои всегда неудачные „прорицательские опыты" в „политике". В Белграде же, где казаки знакомы с ним ближе, он именуется „твердоглавом". Не знаю, какой эпитет лучше, но думаю, что белградский более соответствует истине. В этом мы убеждаемся всякий раз, как только знакомимся с „идеями" и „политическими взглядами" п. Соломахина.

Вот, не угодно ли вам, господа, разрешить такой характерный ребус: генер. Науменко в Белграде, в присутствии того же п. Соломахина, из сил выбивается, чтобы доказать, что он сам и все вообще казаки являются русскими... По его мнению казаки — русские из русских, и, значит, о каком либо разграничении, противопоставлении, а тем более отделении казаков от русских и речи быть не может. Но вот п. Соломахин не в состоянии был, очевидно, усвоить этой „генеральной линии" и по приезде в Смедерево стал, что называется — в пику г. Науменко, доказывать обратное. По его словам казаки и русские — не одно и то же; тех и других он мыслит не более как союзниками, т. е., — лишь временно связанными общностью борьбы с коммунистами. Но, всякому известно, что любой союзник всегда волен выйти из союза, если то ему заблагорассудится.

Буквальные слова Соламахина таковы: „Наш бывший и будущий союзник в борьбе с коммунистами это Обще-Воинский Союз"... (К. К. 108 стр. 17) Видите, только союз и при том строго ограниченный „борьбой с коммунистами".

Удивительно то, что п. Соломахин, являясь редактором журнала „К. К.", не замечает этого вопиющего противоречия.*) На стр. 2-й он печатает взгляды г. Науменко, а на 17-й свои собственные. Интересно знать, как теперь г. Н. отнесется к такому непростительному „уклону" своего ближайшего сотрудника?

Другим шедевром п. Соломахина (все на той же 17-й стр.) является его речь в защиту Кубанского Атамана. Тут все классически кратко, убедительно и „гениально". Вот буквально главнейшая выдержка из этой речи, так сказать, самая ее соль: „Преступления по должности он (т. е. ген. Науменко) не совершал. И если он кому-то (Деникину — Врангелю) в чем-то (в повешении Кулабухова) и помогал, то как частный человек, гражданин Кубанского Края". Другими словами: по должности ген. Науменко Кулабухова не вешал, но как гражданин Кубанского Края веревку намыливал и за ноги тянул.

Не думаю, чтобы г. Науменко пришел в восторг от столь „блестящей" защиты и вряд ли после такого „оправдания" он будет спать сном праведника.

Согласитесь сами, господин полковник, что Ваша „защита" не выдерживает критики, ибо оправдать соучастника преступления тем, что он убил не как должностное лицо, а всего лишь как обыкновенный гражданин, никак нельзя.

Да и для г. Науменко, думаю, совершенно безразлично как его кто ударит: — в лоб или по лбу. Если одни легонько стукали его по лбу, то п. С. ахнул прямо в лоб.

Ну, да мы не станем в этом месте возражать п. С. и впредь по поводу гнусного убийства Кулабухова будем спрашивать г. Науменко не как должностное лицо, а просто как Кубанского казака: „А скажите, М. Г., это Вы... и т. д. Помиримся и на том.

Но вот с тем, что б. Войсковой Атаман (г. Филимонов), Войсковое Правительство и большинство кубанцев, как утверждает Соломахин, ничего не имели „против совершившегося", т. е. против убийства Кулабухова, — с этим согласиться невозможно. Это чистейшая ложь, оскорбительная для всех кубанцев. Соломахину отлично известно, как кубанцы реагировали на это преступление и как после вести о смерти Кулабухова устремились на Кубань, оставляя фронт. Престиж кубанских генералов и старших офицеров был подорван и они лишились в среде казаков доверия. В некоторых случаях дело дошло до насилий над офицерами. Правда, до убийств не доходило, но кулаками орудовать начали, в чем п. Соламахин убедился на собственном опыте в бытность свою в ст. Невиномысской.

Кубанская общественность не осудила в свое время ген. Н. и даже казаки избрали его на о. Лемносе Войсковым Атаманом только потому, что до опубликования документальных данных Деникиным, Врангелем и др. никто ничего не знал о его истинной роли во всем этом гнусном кровавом деле.

А узнавши правду, многие кубанцы отнеслись весьма сдержанно к г. Н., полагая, что он постарается как то искупить перед Войском свой грех и в дальнейшем не будет предателем своего народа. Когда же он во всеуслышание заявил о неизменности своих прежних политических путей и взглядов на будущее Казачества, то казаки, естественно, не могут более молчать и допускать над собой новых кровавых экспериментов, они

*) Отред. Вероятно потому, что в действительности между ними обоими никаких противоречий нет: оба повели бы казаков делать русское дело...

не могут согласиться, чтобы их снова кто-то начал вешать при помощи своих же предателей-казаков. Этому надо во время положить предел, дабы не плакаться потом.

Быстроте политической „эволюции“ п. Соломахина приходится просто поражаться. Несколько месяцев тому назад в своих письмах в Париж он всячески поносил О. В. С., называя ген. Миллера не иначе, как презрительно „Карлом“, „Карлушей“ и т. д., а сегодня он уже самый верный его союзник и нас поучает: „нельзя возбуждать ненависть против наших союзников“... и прочее.

Действительность взглядов п. Соломахина сказалась еще и в том, что он считает постановление Смедеревской каз. станицы о взносе денег на Вольноказачий С'езд насилием над личностью тех казаков, которые не согласны с политикой „В. К.“ А почему же тогда п. Соломахин не протестовал и не кричал о насилии, когда те же станичные сборы выносили приговоры о взносе денег В. Атаману или самому С. в кубанскую канцелярию? Ведь в станицах были несогласные с этим, напр., вольные казаки или другие противники, имевшие на этот счет свои основания. Никому и в голову не приходило считать подобные постановления насилием над личностью. Об'ясняется это просто тем, что у С. две морали: одна для внешнего употребления, другая лично для себя; тогда как у вольных казаков мораль всегда остается неизменной, одинаковой для всех случаев жизни как в отношении своих сторонников, так и для инакомыслящих. К этому обязывает простая добропорядочность. Постановление общего сбора станицы мы никогда не считаем насилием, если оно выносится большинством, хотя бы оно и было не в наших интересах. Народоправство — исконный принцип Казачества. Смедеревцы это доказали очень убедительно. И никакой п. Соломахин не в силах переделать Казачества на манер О. В. С., где все регулируется приказом свыше. Кому угодно, пусть следует за Соломахиным, а мы, казаки, будем жить по казачьи, как жили наши славные прадеды.

До тех пор, пока некоторые В. Атаманы не трогали вольных казаков, не обзывали их публично и в печати изменниками и большевиками, никто не трогал и самих Атаманов. Например, кто может указать случай, когда вольные казаки тронули или чем оскорбили Терского Атамана? Мы никого первые не трогаем, но и себя трогать безнаказанно не позволяем. Так мы говорили и так поступаем.

С. говорит: — „если казакам будет сказано прямо, что в. казаки идут против В. Атамана, то благоразумные казаки за ними не пойдут. Я поставлю вопрос несколько иначе: А куда пойдут благоразумные казаки в том случае, если им также прямо будет сказано, что В. Атаман идет против казаков, против их интесов в угоду Москве или кому иному помимо Казачества? Вероятно немного народу останется тогда у В. А-на.

Туманное рассуждение п. С. (стр. 18) о казаках правых, левых и центральных, конечно, с причислением себя к центру, в применении к ВК абсолютно не годится. Прежде всего. В. К. есть движение национальное и потому ни в какие партийные рамки его не втиснуть: оно одновременно есть и центр, и фланги, и все. Ни левые, ни правые, а просто сушествуют вольные казаки, поставившие себе великую цель: освобождение, возрождение и независимость Казачества. Мы не полагаемся подобно г. г. Богаевскому и Науменко, „во всем на волю русского народа“... Мы не ждем, пока чужой барин нас облагодетельствует и устроит нашу жизнь. Мы сами поднимаемся на борьбу за свою волю и долю, сами хотим строить свою жизнь. Под лежачий камень вода не потечет. Только тот достигнет цели, победит, — кто умеет бороться, кто сам сможет свое счастье отстоять!

Относительно отсутсвия в рядах ВК интеллигенции скажу кратко: об интеллигентах Соломахинского толка жалеть не приходится: толку с них мало.

В заключение приведу характерный отзыв о п. Соломахине, взятый со страниц журн. „Родимый Край“ (№ 6, 1929 г.), а именно: „... полковник Соломахин много раз был уличен в сообщении заведомо неверных сведений с целью ввести казаков в заблуждение (статьи „Кубанский Календарь“ в газете „Новое Время“ за 1928 г.)“. там же далее упоминается и о „разведочной даятельности г. Начальника Походного Штаба Кубанского В. Атамана полковника Соломахина... в этой своей деятельности вольно или невольно погрешившего“, и т. д.

Чтобы вернее „разгромить“ вольных казаков, кубанские „вожди“ не только пустили в дело всю свою наличную тяжелую артиллерию, но и попытались атаковать нас удушливыми газами ввиде постановления сбора 1-го Куб. Мокрол. куреня и др. заявлений. Однако газы получились не столько удушливые, сколько зловонные.

Мокролужцы считают собеседование Куб. В. Ат-на, 24/IV в Белграде неудачным и рекомендуют (иносказательно) в будущем вольных казаков на свои собрания не пускать, тогда некому будет возражать и наступит полное „единодушие“; они также признаются, что вольноказачье движение „раз'едает наши ряды“ и потому спешат его „категорически осудить“. В общем, стиль приговора точно соломахинский. И мне хочется спросить г. и. о. атамана Дзюбу: — К кому он обращался за помощью при составлении приговора, и долго ли бегал по Белграду, пока не вернулся в Куб. Канцелярию п. С.?

Насчет „банкротов“ советую г. Дзюбе обращаться в Париж, к Н. М. Мельникову; он от имени всех „вождей“ еще в первых числах апреля месяца с. г. публично заявил: „мы (т. е. „вожди“) банкроты“. Вот где находится точный адрес банкротов.

А о „нечистых, замаранных средствах“ пораспросите у п. Соломахина. Пусть он хорошенько поскребет в затылке, авось извлечет оттуда что-нибудь. Напомните ему, что ведь средства-то были „замаранные“ — не осталось бы где чего ненароком (напр. всякие почтовые документы...).

Думы и мысли.

По поводу нового похода на В. К.

После того, как вольные казаки, в результате четырехлетнего спора с группой Богаевский-Мельников, блестяще отстояв свои позиции и оттеснив врагов дальше их исходного положения, было успокоились и принялись за внутриорганизационные дела, ныне они опять принуждены, защищая идею казачьей государственной самостоятельности, вступать в спор с новой группой Науменко-Соломахин, которые, после четырехлетнего молчания, решили перейти в „наступление“.

Столкновение мнений, борьба за свои идеи — вещи столь обыкновенные, что ничему удивляться не приходится, тем более не приходится удивляться нам, вольным казакам, уже пятый год выдерживающим беспрерывные стычки с нашими противниками разных сил и различных направлений.

Одно важно при этом: быть хладнокровным, давать спокойные и об'ективные ответы, а, самое важное, уяснить основные пункты нашего расхождения с данным противником, т. е. знать ясно и определенно сущность цели своей и противников. Базируясь на такой основе, никто не рискует впасть в неопределенность и наделать промахов. Все остальное — горячность, страстность, острые словечки, необоснованные намеки, направленные к возбуждению подозрений в отношении противника — не важно, мало этого, под час (как в случае попытки Науменко сравнить нас с большевиками) — вредно для самого оперирующего такими сомнительными орудиями.

В нашем споре Науменко-Соломахин важно каза-

кам помнить одно, что они и мы боремся за совершенно разные цели и что если об'ективно рассудить, то нам даже спорить то нечего, ибо наши цели никаких соприкосновений между собою иметь не могут, так как спорят обыкновенно тогда, когда две разные группы преследуют одну и туже цель, но разными средствами и идут разными путями. В этом случае приходится доказывать целесообразность своих путей, полагая, что другая группа идет ложными путями.

Науменко-Соломахин, как и Богаевский-Мельников, хотят вести Казачество на борьбу одного русского общества за власть в России против другого класса русского же народа. Им Казачество нужно, как средство (то самое пушечное мясо) для захвата власти в России правыми элементами. Таким образом, у них цель — социальная (классовая) борьба. С этой точки зрения совершенно правильно заметили и редактор и г. Жуков в 107 номере „В. К.“, что они именно хотять вовлечь Казачество в братоубийственную борьбу русских с русскими.

Мы, вольные казаки, зовем Казачество на борьбу за его же освобождение, т. е. на борьбу национальную. Борьба угнетенных народов за свою национальную свободу не только не нова в истории народов, но она неизбежна, обязательна и во все времена она расценивалась, как борьба героическая, часто квалифицируясь, как борьба священная. Братоубийственной борьбой тут и не пахнет, потому что брат не будет закабалять и душить брата.

Если казаки будут твердо знать эти две различные цели — вольных казаков и их противников, — то совсем не нужно будет большого ума, чтобы понять — где их интерес, коль скоро казаки не хотят, чтобы казачество исчезло окончательно и растворилось в составе другого, хотя бы и „братского“, народа.

Ш. Ниминов.

Не утерпел.

М. Г. г-н Редактор, не откажите в любезности поместить в нашем уважаемом журнале „В. К.“ нижеследующее:

К Вам, Ваше превосходительство, г-н Атаман Науменко: Скажите, пожалуйста, когда вы командовали полком и корпусом — из каких людей составлялись полки, против кого мы воевали и с кем?.. Да всем ясно и понятно, что Вы, г-н Войсковой Атаман, вместе с нами, казаками воевали против русских большевиков. Почему же вы теперь назвали нас, казаков, большевиками, приравняли нас к большевикам? Для нас, казаков, словом большевик Вы как нож в сердце всадили каждому казаку.

Так вот как наш батько Атаман, братцы казаки, нас приветствует. За то, что мы ему служили, как Атаману, за то, что мы первые откликнулись на его зов жертвовать в „фонд освобожнения родины“. Мы жертвовали последние гроши, некоторые за месяц вперед. Это давали вперед вольные казаки и если вас это интересует, так можете это узнать, стоит посмотреть только в подписные листы и там вы узнаете фамилии, имена и отчества тех казаков, которых вы теперь приравняли к большевикам.

В „К. К.“ номер 108 Вы говорите, что для вольных казаков враг — Россия. Позвольте вам ответить: А большевики же кто? Русские люди? Значит — Россия. Потом Вы, г-н Атаман, говорите, что вольные казаки хотят братоубийственной войны против России. Позвольте Вам, г-н Атаман, ответить, а вы не на братоубийственную борьбу приглашаете идти — вместе с русскими на русских же? Ведь здесь „белые“ русские, а там красные русские.

Потом Вы говорите, г-н Атаман, что мы, казаки, — русские люди, с врагами нашего отечества нам не по пути. Скажите, кто же у Вас враг? Позвольте Вам, г-н Атаман, ответить кто у Вас враг: Вольные казаки. А у вольных казаков враг русские большевики. Для нас казаков это враг потому, что он уничтожил наших отцов, матерей, жен, детей и наше отечество. Это для нас, вольных казаков, враг непримиримый.

Д. Линник. (Париж, 30-VI-32.)

Казачий Соломон.

— Вася, отгадай загадку: кто самый мудрий человек в мире?

Вася с улыбкой посмотрел на вопрошавшего, стараясь угадать по его лицу, не кроится ли в вопросе какой либо хитрой уловки. И подумав, ответил: Подумаешь, загадал загадку! Да кого ни спроси, каждый, кто учил ветхий завет, скажет, что еще не было никого мудрее царя Соломона.

— Ха-ха, рассмеялся Коля. И я, брат, так раньше думал, пока не прочитал журнал „Кавказский Казак“ за июнь месяц 1932 года № 6 (108). Вот где бездны премудрости! Начиная с первой страницы „От Кубанского Войскового Атамана“ и кончая последней.

И Коля, отвернув зеленую обложку журнала, передал его другу. — Вот, брат, читай и поучайся; тут, брат, и про нас, вольных казаков, Атаман пишет.

Вася взял журнал и пробежал его страницу за страницей. — Хм... да... правда, смудрил... Ну, брат, теперь нам, вольным казакам, крышка.

— Почему, спросил Коля.

— Да посуди сам: когда даже Войсковой Атаман вот пишет, что все мы по ошибке казаками называемся, так что же хотеть от других? Это мол, просто историческая ошибка, и мы все на самом деле суть самые настоящие русские люди. А ведь Войсковой Атаман это не урядник казачий!.. Авторитет. Да к тому же, если не он сам, то его пра-прабабка присутствовала, когда Казачество родилось от Матушки России и из рода в род это передалось и Атаману, ее правнуку. Ого, гляди, он сюда и Быкадорова приплел.

— Это, заметил Коля, для большей убедительности, аргументов своих у него, ведь, Бог даст!.. Впрочем, мы исполнили свой гражданский долг! Когда прочитали письмо, то крепко, целую неделю думали и под конец, с грустью и болью, по чистой совести решили, что еще наше бедное Казачество не избавилось от всех Иуд.

— Да, конечно, это мы решили, по нашей казачьей совести, а у Атамана ведь есть своя особая, атаманская совесть, более гибкая. Он, конечно, прилаживается, як те теля... и так повести дело, чтобы и волки были сыты и овцы были целы. А это, брат, не так легко. Поневоле начнешь мудрить...

— А, как ты думаешь, Вася, не обидятся ли русские большевики, когда прочтут, что казачий Атаман их всех не называет русскими, а оспаривает право на это название и приписывает его казакам?

— Не думаю Коля, ведь все зависит от точки зрения. Я вот вспоминаю случай из моей студенческой жизни. Я ехал поездом. В наше купэ сел бойкий, развязный студент брюнет еврей, который почему-то в общем разговоре, обращаясь к своим собеседникам, называл их земляками. Я решил подшутить и говорю ему: „Знаете, товарищ, если не ошибаюсь, вы еврей, а я казак, как же мы можем быть с вами земляками? — Ну, земляк, отвечает он мне. Я вам докажу, что мы земляки. Вы на какой планете родились и живете? — Ну, конечно, на земле, отвечаю я. — Ну, и я тоже на земле, заключает мой собеседник, значит, мы и земляки. Так вот, если казачий вопрос рассматривать с точки зрения единонеделимческих русских аппетитов, то не только мы, казаки, но и поляки. латыши, украинцы, грузины и сотни других народов, окажутся русскими и у русских большевиков не хватит времени обижаться на всех за присвоение русского имени.

— А не кажется ли тебе, что Атаман, как будто, перемудрил или, может быть, чего то не договорил?! Тут где-то есть „заковыка“, да я ее никак не найду. Ну, как разгадать эти слова: „Нас вытеснили из пределов Родины большевики“... „Мы, казаки, русские люди“... и „Нам с врагами родины не по пути“... или „Не нужно братоубийственной войны“. Знаешь, тут не только Соломоном пахнет, а и Св. Евангелием: ударяют тебя в правую щеку, подставляй левую, стаскивают с тебя одну рубашку, отдавай другую, если имеешь. Нет, брат, видно нам не об освобождении нашей Родивы от русских большевиков нужно думать, а денно и нощно замаливать свои грехи и вину за пролитие русской

братской крови, которую мы уже раз пролили, пытаясь освободиться от насильников наших — единоутробных братцев российських Ваньков и их барчуков. Бедный Атаман, среди белого дня заблудился в трех соснах и, как в сказке, остановился на перепутьи трех дорог: Пойдешь с вольными казаками, будешь сознательно бороться за лучшее будущее Казачьей Нации и обидишь русских бар; пойдешь с Кириллом, закабалишь казаков русским барам; пойдешь по „средней дороге", сядешь между двух стульев. Оно, конечно, общественное мнение говорит, что сидение между двух стульев — не считается почетным... Э, да казачьим Атаманам не привыкать быть в услужении русских бар. Это ведь уже стало обращаться в привычку у них...

— Что и говорить, им, Атаманам, трудно приходится. Вот видишь, французам они пишут, что мы, казаки, ничего общего не имеем с убийцей президента, русским большевиком Горгуловым, а в журнале пишут, чтобы не обидеть Миллера, что мы себя мыслим неразрывно едиными с Россией?! Какой!?

— А вот, Коля, не здесь ли „заковыка"? Атаман ведь говорит, что ему тоже кто-то что-то предлагал за казачьи головы, да он отказался и ждет случая, когда более выгодно можно обеспечить опекаемое русскими Казачество, а пока что, чтобы не было скучно, по прежним рецептам стремится сохранить „политическую невинность" казаков, исходя из евангельской истины: „Блаженни нищие духом, яко..." И советует всем казакам держаться „центра", т. е. быть теми политическими младенцами, какими мы были в 1918 году. Вот по этому поводу я вспоминаю тоже один случай из станичной жизни: в 1918 году в г. Екатеринодаре был областной с'езд иногородних и казаков, куда также мы делегировали от станицы казака, некоего Л... Он с'ездил и вернувшись, сделал станичному сбору невинный доклад, из которого станичники поняли, что на с'езде постановлено было удовлетворить от станицы депутатов суточными деньгами в определенном размере. После доклада этот Л. приходит ко мне и спрашивает: „Николай Иванович, скажите, что это значит, правый серый и левый серый?" Я посмотрел на него в недоумении. Что за притча, думаю, такая? Об'ясните, говорю ему, более ясно. — Да вот, отвечает он, когда мы приехали в Екатеринодар на с'езд, то нам для заседаний отвели помещение в театре. Иду я в театр. Меня на дверях спрашивают солдаты: „Кто я такой, правый серый или левый серый?" я показал им свой мандат, что я депутат от станицы Т. Другой солдат, что тут стоял, опять меня спрашивает: левый я серый, или правый серый? Я даже обиделся. У меня уже борода начинает седеть, я забыл когда действительную службу служил. У нас на службе молодых казачат серыми называют. Я промолчал. Да хорошо, что тут был какой то штатский, он мне говорит: вы должно быть центр, и указал мне дверь. Когда я вошел, то увидел посредине многих казаков, мне тоже дали стул. Ну я и понял, что я попал прямо в центр вместе с казаками. Ну, вот кончился с'езд, я теперь вернулся и все таки не могу понять, за что меня обругали серым. — Тут я понял, в чем дело, и долго об'яснял депутату Л., что такое правые эсеры и что левые эсеры и что такое центр. Казак внимательно все выслушал, но, повидимому, его душа не была удовлетворена. Когда я кончил, он заключил: так значит на с'езде были правые социалисты революционеры. левые социалисты революционеры и центр, а как же мы, казаки, попали туда? Казачьей партии, значит, не было...

— Вот, Вася, видимо, Атаман и теперь готовит невинных политических младенцев, которых, в решительную минуту, когда наступит время действовать, можно будет направить в любую дверь или вернее, какая будет по душе атаману, именно „центр", т. е. быть лакеем у русских бар. Отсюда и стремление предохранить казаков от вольно-казачьей литературы, чтобы в казаках не укреплялось сознание любви к своей старине, к своей нации и не развивалось сознание собственного достоинства...

Николай Посохов. (Италия).

Казачьим шляхом.

Многоуважаемый господин Редактор!

Не откажите в любезности — поместить в Вашем уважаемом журнале „В. К." следующее:

По прибытии в Болгарию в 1922 г. я устроился на работу по постройке железной дороги и сейчас же приступил к организации куреня Вильного Козацтва. Но мой „номер" не прошел, т. к. из 42 казаков на моей стороне оказалось только 3 человека. Как я ни распинался, как ни уговаривал их, ничего не вышло: большинство записалось в „союз возвращения на Родину"; таких людей не стоило и убеждать. После ихнего от'езда, я со своими тремя сотрудниками — Г. Зубом, М. Кривоносом и И. Коломийцем переехали в Софию и поместились в Украинском общежитии, где находилось 26 человек украинцев. Проживши там около месяца, мы расширили общежитие до 128 человек, среди которых было и 4 семьи с детьми. С украинскими козаками мы зажили очень хорошо. Пришлось повоевать с московским общежитием; но после того, как убрали Покровского, москали скоро сдались.

Вскоре я уехал во Францию. Сначала мне пришлось немного пожить в Анжере, откуда уже меня вызвала украинская организация сотника Фостивця в Париж. В Париже не весело было: я оказался сиротой, т. к. не нашел там настоящих казаков, а все были какие то больше русские.

Но вот один раз заходят ко мне два кубанца; один из них был правильный казак, а другой „янычар" какой то. Разговорились про работу, а потом дошло и до политики. Поговорили и разошлись тихо-мирно, как говорится по братски. Долго я их потом не видал. Вдруг как то встречаю обоих у Порт Сент-Клю. Тот, кого я назвал янычаром, и пытает меня:

— А вы посещаете какие-нибудь организации?

— Нет, говорю. Да здесь и нет казачьих организаций.

— Как так нет? — заволновался янычар.

— Да так и нет, отвечаю; я их что-то не замечал, а в русскую организацию идти просто не хочу, потому что я не русский.

Тут мой янычар прямо таки взбесился от ярости. Уж больно я его этим словом, как **ножем в сердце** пырнул.

Дело было в пятницу, а в субботу вечером, только что я пришел с работы и переоделся, слышу кто то меня зовет; смотрю с удивлением и вижу перед собой снова янычара.

— В чем дело? спрашиваю.

— Яков Ульянович, говорит тихо янычар, — вы простите, что я вчера так погорячился. Забудем, что было между нами. Сегодня я решил вас пригласить на интересное собрание: на казачий Зарубежный С'езд.

Я начал было отказываться, но он все настаивал и даже пообещал взять на себя все расходы по поездке на собрание. Я все же сомневался, но потом согласился и, захватив в карман что нужно, поехал на это „интересное собрание". Публика уже начинала рассаживаться по местам, когда мы приехали. Занимаю стул у дверей и жду, что будет дальше.

Во главе собрания оказались генералы Шкуро и Баратов. Главный вопрос, для которого и устраивалось это собрание, были выборы подходящих людей для посылки делегации от казаков к Кириллу...

Долго я слушал, что говорил генерал Шкуро, а потом взял и себе слово, которое протянулось на добрый час, а после моей „дискуссии" нечего было и говорить: получился полный развал. Хотели было поднять меня на кулаки, да как то дело не вышло. На том собрание и скончалось...

Спустя некоторое время я, как хороший джигит, попал в первую категорию наездников, готовившихся к выступлению в Париже и других городах; тут снова пришлось встретиться со своими прежними врагами, которые всеми силами хотели меня выжить из организации, но за меня стоял сам хозяин предприятия и все их старания остались непричем.

Ну, я снова зачал проповедывать свое и теперь уже видно было, что казаки стали многое понимать:

сочувствующих было куда больше, чем раньше, но все-таки перевес оставался на стороне „монархии", что привело, собственно, все это большое дело джигитовки к полному развалу. В Лондоне меня поддерживал полковник Гамалий, но скоро всех тех, которые отстаивали казачьи интересы, оттуда „депортировали", а по нашему сказать выслали. В Париже в русских газетах нас назвали большевиками. Коротко и ясно. Этому я и тогда ни капельки не удивлялся, потому что эту манеру знаю очень хорошо: как только казак начинает защищать свои интересы, так сейчас же его записывают в бунтари, а если начнет говорить свою казачью правду, ну, значит, большевик и баста. Так всегда поступали русские газеты и наши „русские" генералы.

Группа джигитов, конечно, развалилась, а я, в конце концов, оказался заброшенным в одном из американских городов, где и работал мирно, оторванный совершенно от общения со своими братьями казаками. Вдруг, как дождик с неба, неожиданно для меня появились один за другим несколько номеров журнала „Вольное Казачество". Я прямо таки, сказать, воспрянул духом, ожил; читал и перечитывал журнал днем и ночью. Мне, признаться, как-то даже не верилось, что, наконец то, мои братья казаки проснулись от долгой спячки; но когда я прочитал 104 номер журнала, то убедился, что те именно, которые раньше не хотели и слушать мои слова о самостийности, теперь поняли свои ошибки и сами стали в ряды ВК для защиты своих прав. Больно и стыдно только за наших казачьих генералов; они по прежнему продолжают преступную борьбу против своих казаков: они ничего не поняли, ничему не научились за это время и продолжают бродить в потемках, хватаясь за спасительную для них московскую соломку.

Да и как не будет стыдно от таких недоразумений! Ведь мы же, казаки, считали их образованными, понимающими: доверяли им свою честь, судьбу и руководство нами, а они готовы нас же и предать. Из трусости и подхалимства перед московскими боярами они готовы изменить тому самому Казачеству, которое их породило, дали славу, положение и власть. Какой позор! Ну я, братцы, не дюже падаю духом от таких историй, потому отлично знаю, что не от генералов пошло Казачество, а сами генералы получали свое место от Казачества. Так будет и всегда. Если генералы не умеют или не хотят строить нашу жизнь, так будем ее строить сами. Обойдемся и без них. Было бы Казачество, а остальное будет все!

Честь и слава всему Вольному Казачеству! Оно снова стало на борьбу за свои права и волю. С радостью и новой силой и я начну работать на благо ВК: в нем наша жизнь и наше будущее счастье; за него и нужно постоять.

Теперь, дорогие братья казаки, скажу вам следующее: я — казак душой и кровью и всем, что касается Казачества, интересуюсь не пропускаю ни одного казачьего журнала, ни одной статьи или атаманского приказа. Много б читал таких статей, на которые надо бы было протестовать, но я все ждал удобного момента. И вот, когда прочитал в „Кавказском Казаке" про выступление генерала Науменко, я больше не могу молчать. Я хорошо знал и раньше, что Науменко непременно не выдержит казачьей Правды, подведет. Так оно и вышло! И вот, он, братья-казаки, теперь и показал вам, как он думает за Казачество. Теперь все узнали, кто для Науменко дороже и ближе к сердцу: те казаки, которые его выбирали своим атаманом, или те москали, с которыми мы воевали и которые нас выжили из родных краев, заставив скитаться батраками по чужим дворам. Я не торкаюсь ни его чинов ни его настоящей атаманской должности; я только говорю касательно его личности, как казака. Не могу никак понять: какими глазами смотрит генерал Науменко и какая совесть позволяет ему выступать против прозревших казаков, которые честно борются за свою Родину, за свою долю и волю; как он может осмелиться сказать, что это грех и стыд, а нам надо идти за Россию, спасать чужое, а свое родное Казачество бросить на произвол судьбы... Да, кто же Казачество то спасет от гибели?! Неужели те самые москали, что и самого своего защитника Науменко выкинули заграницу? Ой, нет, братцы, не бывать тому никогда!

Не нам, вольным казакам, должно быть позорно и стыдно за то, что мы защищаем свое родное Казачество, а должно быть стыдно и позорно тем, которые его предают на гибель и унижение. Еще там, на Кубани, Науменко занимался предательством и содействовал душителям Казачества, этим вешателям лучших наших казаков и наших народных избранников (генералам Деникину и Покровскому). Если Науменко об этом позабыл, так мы то, казаки, помним хорошо.

Для нас Россия была мачехой и никогда русский не являлся настоящим братом казаку, но всегда бывал его врагом; об этом генералу Науменко тоже следовало бы помнить хорошенько. Если он считает себя Атаманом и настоящим казаком, то он должен говорить казакам только правду, а не закрывать глаза и не лякать их Россией: казаки и не такого черта видели; нечего их убеждать в том, что они произошли от русских. Мы произошли от казаков, а кто считает себя русским, тот пусть становится в сторонку и не треплет напрасно славное казачье имя: раз ты русский, значит потому самому уже не казак, а только присвоил себе это имя: так и тульские могут себя назвать казаками, да толку то от этого не будет никакого, все равно останутся тульскими и казачьего у них окажется столько же, как и сейчас, т. е. ничего. Стыдно таким казакам, которые до сего времени еще не знают, кто они такие. Вот поэтому им и морочат голову разные „вожди". Сегодня уверяют нас, что мы „русские" казаки, а завтра, чего доброго, начнут все хором доказывать, что мы китайские казаки. На самом же деле существуют просто к а з а к и и только.

Генералу Науменко надо всегда помнить, что казаки молчали о его прошлых грехах потому, что думали, что он совершил их по ошибке, по недоразумению и потому готовы были по доброте своей забыть о них, простить. Но теперь, мы казаки, убеждаемся, что это не были ошибки. Когда убивали Рябовола и казнили Кулабухова, генерал Науменко не решился сказать московским палачам Деникину и Покровскому с Врангелем, что это зазорно, грех, Рябовол и Кулабухов не сами пришли в Раду, а их туда послал народ казачий, что поэтому они неприкосновенны и никто не смеет их трогать, да еще посторонние пришельцы, спрятавшиеся и спасавшиеся за спиной казаков. Тогда у Науменко смелости не хватило это сделать, наоборот, — он сам оказался в числе помощников вешателей, а вот теперь, когда сами казаки начали борьбу за свои права, ген. Науменко опять после долгого молчания поднимает свой голос и говорит казакам: — „оставьте это, потому что это грех и стыдно; надо идти за Россию".

А что такое для нас казаков Россия? Для нас и белая и красная Россия — все одно чужая сторона и с нею нам не жить. Наверное Науменко боится суда казачьего и потому так хлопочет за Россию. Если вернется старая Россия, то Науменко будет избавлен от суда казачьего, т. к. он шел по одной дороге с Покровским и предавал Казачество.

Но Россия строилась часто казачьими руками. Сколько Запорожцы пролили крови, отстаивая Украину от турок и других; сколько голов положили казаки, пока завоевали, покорили всю Сибирь до самого океана; а наш Юг, Кавказ... да и что там говорить, москали только и умели, что накладывать свою лапу на чужую землю и народ; действовали обманом, подкупом, предательством таких же вот „русских" казаков, как и сейчас. Захватили Украину, Сибирь, Кавказ и наложили лапу и на коренные Казачьи Земли. Теперь можно Казачество и уничтожить, а генералов, которые его предадут, можно и хорошенько наградить, а там, если понадобится, то их можно будет и убрать легко. Так раньше делалось, так думают делать и потом, пока же за предательство обещают золотые горы. Ну, и пусть себе наши генералы идут этой позорной дорогой за Ильей Зерщиковым, а мы, вольные казаки, пойдем своей настоящей казачьей дорогой и им не поверим, не пре-

дадим родного Казачества, но будем ему служить верой и правой. Своих настоящих казачьих вождей мы сумеем найти и в своей среде.

Кто не хочет, чтобы его детей и внуков постигла такая же участь, как и нас самих, тот должен раз и навсегда отвернуться от предателей и твердо держаться казачьей Правды. Такого хлеба, как мы кушаем сейчас, нам больше не надо. Становитесь все, братцы, в ряды В. К.! Нам не страшны будут измена и предательство, когда будем едины и дружны в борьбе за правду и волю казачью.

Да здрвствует В. К., да здравствует Казакия!

Якив. Бабенко.

Необходимое дополнение.

Глубокоуважаемый станичник редактор!

Не откажите в любезности поместить в журнале нижеследующие строки, как дополнение и поправки к статье А. Ленивова в № 94 „ВК“: „Казачье печатное слово заграницей (1919—1931)“:

1. Рукописный журнал кадетов Донского Корпуса носил в эмиграции (Египет) название не „Донец“ (так он назывался дома) а „Донец на Чужбине“. Сотрудничал в нем и покойный Ю. Ф. Гончаров. Разобран кадетами.

2. Журнал „Казак на чужбине“ (орган Донской студенческой станицы в Праге, 1923.) прекратил свое существование на первом же номере по распоряжению свыше (властей), вследствие помещения в нем комедии-сатиры на Правление общеказачьего сельско-хозяйств. союза (Председатель Сидорин) под каким то „денежным“ названием... Вследствие этого же, журнал был запрещен к распространению и лежал на квартире у Г. Ф. Янюшкина.

3. Аналогичное название „Казак на Чужбине“ носил рукописный художественный журнал, (не указанный автором), издававшийся казаками гимназистами в Шумене (Болгария), об'единенными (подпольно) в станицу Разинскую (Атаман — Г. Ф. Янюшкин, 1921—1024). В Правление и ред. коллегию входили, равно как и сотрудничали в журнале, среди других и Ю. Ф. Гончаров, П. Д. Крюков, И. С. Бойко.

Журналы были изданы изящно и солидно с прекрасной художественной отделкой. Всего вышло пять номеров.

Между прочим, в журнале была помещена статья Петра Крюкова „О происхождении Казачества“, в которой автор пытался подойти к вопросу о происхождении Казачества под углом вольно-казачьего зрения... На рукописи этой статьи была сделана Директором гимназии (А. А. Бейер), как цензором журнала, пометка:

„бабушкины сказки“...

Один номер был приподнесен генералу А. П. Богаевскому (видел его потом в Донском Архиве), а один генералу Вдовенко, во время их посещения гимназии. Остальные номера остались в гимназии.

4. Так же не назван автором и рукописный художественный, подпольный журнал „Надія“, издававшийся (1925-26) в Moravské Třebově (Ч. С. Р.) кубанцами-гимназистами, об'единенными в „Кубанское Землячество“. (Председатель-редактор И. С. Бойко).

Вышло три номера. Первые два номера хранятся в архиве О-ва Кубанцев в Праге (Кубанский Заграничный Архив) а № 3 в рукописи нечаянно попал в руки инспектору гимназии Д. Д. Гнедовскому и был им конфискован, после отказа редактора изменить название журнала на „Надежда“...

5. Издание рукописного художественного журнала „Казачьи Зори“ автор относит к периоду 1927-28 г. г. Действительно журнал „Казачьи Зори“ был издан летом 1925. г. (Главный редактор — И. С. Бойко, ответственный редактор — Н. А. Стефанов). Журнал являлся органом самостийной организации казаков-гимназистов в Moravské Třebově (Ч. С. Р.), организованных (подпольно) в „Хутор имени Атамана Булавина.“ (Атаман — И. С. Бойко).

Редакцией же журнала „Казачьи Зори“ издано было, кроме того, несколько „информаций“, где помещались, главным образом, отрывки по истории Кубанского и Донского Казачества (из „Россия и Дон“ — Сватикова и украинские переводы о запорожцах).

Вышел только один номер журнала. Местонахождение его известно и есть надежда, что он (вместе с архивом и дневниками станицы Разинской и хутора Булавина) будет передан в распоряжение тех, кто имеет на него право и моральное и юридическое.

С вольно-казачьим приветом

Иван Бойко (Гнат Большой).

Bratislava 21. IV. 1932.

P. S. О „Разинцах“ и „Булавинцах“ подробнее остановлюсь в своем очерке „Казачий молодняк“, в недалеком будущем.

И. Б.

Памяти Ф. К. Воропинова.

В субботу, 25 июня, редакция журнала „В. К.“ организовала траурное заседание, посвященное памяти умершего своего сотрудника Ф. К. Воропинова, на котором друзья, семья и знакомые его делились теплыми воспоминаниями из жизни и деятельности покойного.

Большую речь, характеризующую Воропинова как человека, казака и общественного деятеля, сказал редактор „ВК“ И. А. Билый:

Сегодня мы собрались здесь, чтобы отдать последний долг тому, кого мы все еще недавно видели среди себя хотя и со слабым телом, но с сильным духом. Да, духа Филиппа Капитоновича Воропинова не смогли сломить даже такие события и переделки, как шесть лет советских мытарств и испытаний, шесть лет неопределенной жизни между советской „свободой“ и чекистским застенком. И только смерть, которой еще никто не победил, только смерть сломила беспокойный дух Воропинова. Почтим же еще раз его память (все встают).

Послезавтра будет тому ровно 13 лет, как преступная рука врага Казачества поднялась на одного из лучших казаков, на председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола. Я пользуюсь случаем, чтобы предложить собранию почтить память и Николая Степановича — импульса Казачества по признанию даже наших противников.

Мы так редко собираемся вместе, что я не могу удержаться, чтобы одновременно не предложить склонить на момент свои головы и перед памятью еще двух Великих сынов Кубани: А. И. Кулабухова и К. Л. Бардижа, погибших: один от Руси „белой“, другой — от Руси „красной“. В их лице мы чтим благоговейно память всех кубанских казаков, за волю и долю Кубани и всего Казачества живот свой положивших...

Мы, казаки, еще не имеем своей биографической литературы. Да мы еще, пожалуй, и не привыкли к мысли, что и среди нас могут быть люди, помнить о которых следует и после их смерти; нам, может быть, и в голову не приходило, что и среди нас, казаков, мо-

гут быть люди, память о делах которых, об их исканиях и стремлениях, следовало бы сохранить и передать следующим поколениям... Думаю, что с течением времени и этот пробел будет заполнен. Необходимо это и с другой точки зрения: надо создавать и строить преемственность общественной и политической жизни, надо оставлять следующим поколениям не только „схемы и построения", не только „программы и убеждения", но и частицу своей души, частицу того внутреннего, того личного и индивидуального, что в свое время оживляло и одухотворяло, что побуждало к творчеству и борьбе... Эту задачу может восполнить только литература биографическая или, еще лучше, автобиографическая.

Грешим мы, казаки, и еще одним большим грехом. Мы слишком мало знаем друг друга. Нередко люди даже близкие, мы знаем друг о друге только то, что и „всем видно". Я это оообенно почувствовал, когда решил представить к сегодняшнему вечеру наиболее полный образ Ф. К. Воропинова, которого знал и с которым, хотя и с перерывами, работал почти 20 лет.

Должен признаться, что задача эта мне не удалась. Прошу иметь это в виду и тех, кто мог бы дополнить мой очерк, сделать это, ибо покойный стоит того, чтобы о нем не забыли; он, ведь, принадлежит, как я это уже отметил в № 106 „В. К.", к тем, кто борьбу за освобождение начинал; он также внес и свой камень в то здание кубанской государственности, которое мы все строили в 1917—1920 годах.

Aut bene, aut nihil: о покойниках или хорошее, или ничего, говорит старый римский неписанный закон. Я думаю, что в данном случае можно говорить о б о в с е м, ч т о мы знаем о Воропинове, без боязни нарушить этот закон уважения к мертвым. Ибо даже в том случае, когда я с чем нибудь из круга деятельности Воропинова не согласился бы, я не мог бы квалифицировать его дела или поступки, как хорошие или плохие, скорее — удачные или неудачные. Тем более не приложима к Воропиновским делам и поступкам классификация на плохие и хорошие, что над всеми ними на протяжении всей его жизни довлеет такое его качество как и с к р е н н о с т ь. Я думаю, что искренность, согласие слова с делом, а дела со словом, можно считать наиболее характерным качеством покойного. Наряду с этим можно поставить в характеристику Воропинова и так не часто встречающееся у людей большое г р а ж д а н с к о е м у ж е с т в о. Те, кто имели возможность наблюдать его во время нашей прошлой политической борьбы, те подтвердят это мое утверждение вероятно с еще большим ударением, чем это делаю я. Безусловно ч е с т н ы й, он был в высокой степени человеком м о р а л ь н ы м. Т е м п е р а м е н т н ы й и а к т и в н ы й в жизни общественной и политической, он не был никогда „игроком". Более „горячий", чем „холодный", он мог принять неправильное решение, но имел смелость принимать на себя и все последствия своих неправильных рассчетов. Эти слишком общие контуры характеристики духовного облика Воропинова не были бы законченны, если бы я отказал ему в наличии в его характере некоторых черт р о м а н т и з м а.

Чтобы составить более полное предствавление о покойном, следует набросать хотя грубыми мазками его жизненный путь, такой сравнительно короткий и такой изнурительный богатством и сложностью препятствий или неожиданностью изломов.

Ф. К. Воропинова я помню с 1912 года. С 1910 по 1913, три года, он учительствовал в станице Полтавской.

Единственное проявление общественной жизни на Кубани в то время в более широком — областном — масштабе была кооперация — кредитная и сельскохозяйственная — интенсивно и мощно развивавшаяся в период между первой революцией и Великой войной. Ф. К. Воропинов принимал живое и деятельное участие в кооперативной жизни и строительстве. Наше знакомство с ним произошло именно на одном из с'ездов кооперативных товариществ, об'единенных в Кубанский Союз кредитной и с.-х. кооперации.

Переведенный в 1913 году на учительскую должность в Екатеринодар (городское 6-ти кл. училище на Соборной площади), Ф. К. не порывает своей связи с кооперацией и, одновременно, начинает принимать более активное участие в жизни единственной, кажется, тогда на Кубани „областной" организации — профессиональной учительской организации: „Общество учащих и учивших в Кубанской Области и Черноморской губ."

Женившись весною 1915 года, осенью того же года он переводится на должность заведующего Платнировским высшим начальным училищем.

Кооперация и учительство были единственной школой общественной жизни для большинства тех наших политических деятелей, которые в последующие революционные годы должны были принять на свои плечи задачи более широкого и ответственного характера, задачи строительства кубанской и вообще казачьей государственности. Школа эта была, несомненно, далеко недостаточной.

Эти краткие воспоминания о дореволюционной жизни и деятельности Ф. К. были бы не полны, если бы я не упомянул здесь выходившей в Екатеринодаре с 18 сентября 1915 г. (по ст. ст.) в течение около 10 месяцев ежедневной газеты „Кубанская Мысль", одним из 5 соиздателей которой был и Ф. К.

То были годы, когда положение казачьих областей в России от былой когда то самостоятельности несколькими этапами приведено было в отношении самодеятельности и проявлений общественной жизни на степень низшую, чем положение в этом смысле в губерниях чисто русских. У нас, казаков, не должно было быть даже признаков проявления п о л и т и ч е с к о й мысли или деятельности. И, по замыслу ее издателей, „Кубанская Мысль" должна была стать „широкой" общественной газетой, не только обслуживающей ежедневные „информационные" потребности читателей, но и стать тем будирующим и об'единяющим центром, около которого группировалась бы интеллигенция „местного значения" и через самодеятельность местных сил строилась бы местная жизнь. Да, мы хотели немного „строить". Этим об'ясняется и то, что в первом номере газеты, после первой передовой „общего характера," появилась вторая передовая за подписью трех: И. Билого, Ф. Воропинова и Г. Чернышова, обращенная к учителям и кооператорам и звавшая их к... А вот к чему звавшая, так почти и осталось темным и неясным после двухкратного вмешательства цензора, получившего инструкции особенно тщательно следить за „прогресиввой" газетой. (Тогда существовала предварительная цензура и она, собственно, первая разбила наши „мечты"...").

1917 год. Осенью 1917 года Ф. К. Воропинов появляется в первой Войсковой Раде, где сразу обращает на себя внимание не только темпераментностью своих выступлений, но и несомненным ораторским искусством. Вместе с покойным А. И. Кулабуховым они оба становятся лидерами самостийников в Кавказском отделе.

Войсковая Рада 1917 года (29 сент. — 11 окт. по ст. ст,) приняла первую Кубанскую Конституцию, введенную в действие явочным порядком (вопреки воле русского Вр. Пр-ва) и создавшую свою собственную государственную власть на Кубани. Были избраны первый В. Атаман и первая Законодательная Рада. Воропинов избирается в Законодательную Раду и с этого времени выдвигается в первые ряды кубанских политических деятелей.

Наступают трудные дни конца 1917 года и начала 1918 года. В казачьи фронтовые части все больше и больше проникает дурман большевицких обманных лозунгов. Члены Войскового Пр-ва и члены Законодательной Рады главным образом, обращаются постепенно в раз'яснителей и уговаривающих. После декабрьской Рады 1917 года, создавшей еще раз „паритетное" Прво и паритетную Законодательную Раду, два члена Законодательной Рады, в том числе Ф. К. Воропинов, командируются в Петровск навстречу кубанским воинским частям, возвращающимся с Кавказского фронта. В задачу их входило: раз'яснить фронтовикам смысл совершающихся событий, убедить казаков не разоружаться

и не распыляться, а идти в распоряжение своего кубанского правительства. Роль эту Ф. К. исполнял со всей присущей ему добросовестностью, хотя результаты ее были равны нулю. Офицерский состав был тогда терроризован еще больше, чем рядовые казаки. И те и другие думали „уйти от событий"...

Последующими событиями под Екатеринодаром Воропинов был отрезан от кубанского правительственного центра и должен был вернуться из Петровска на Кубань. Предоставленный самому себе, он принужден был скрываться в горах (Старое Жилище) и встретились мы с ним снова кажется уже только в Тихорецкой в июле 1918 года.

Наступают ноябрьские дни 1918 г. Разгорается спор с Добрармией. Имя Воропинова становится одним из самых одиозных среди единонеделимцев всех цветов и оттенков.

Начинается борьба за Кубанскую армию; начинаются нелады между Атаманом (Филимонов) и правительством (Сушков) с одной стороны и Законодательной Радой с другой. Воропинов в числе первых среди тех, кто защищает решения Краевой Рады и борется против овладения Кубани Добрармией.

Вот почему, когда наступили ноябрьские дни 1919 года Воропинов стоял на одном из первых мест и в списке Покровского.

Помню последние слова его с кафедры Краевой Рады: Лучше бы застрелиться мне здесь, чем идти живым отдаваться в руки Покровского...

Далее следует высылка. Но не долго засиживатся Ф. К. в Константинополе. Его активная натура не выдерживает и, после Черноморской катастрофы казачьих армий весны 1920 года, он пробирается в Грузию, где кубанцы пробуют еще раз возобновить борьбу за очищение от красных своей территории. Попытка эта кончилась раньше, чем она приняла осязательные размеры, и сами кубанцы должны были бежать из Грузии ввиду захвата ее большевиками.

Снова Константинополь. Потом Прага. Здесь в 1922 году, Воропинов, в числе других, совершил политический акт, с точки зрения моей и большинства кубанцев, весьма ошибочный. Не буду распространяться здесь на эту тему, скажу только, что искренний и последовательный, он сам на себе испытал все последствия своего неправильного шага. Уже после обратного своего бегства из Сов. России в 1929 году он сообщил мне те мотивы, которые его заставили в 1923 году вернуться домой. Тем не менее и теперь, как и тогда, я могу только сказать, что рассчеты его были неправильны. Он, веря, что большевики долго не удержатся, хотел тихо и мирно жить дома, чтобы во время грядущих событий быть там. Тот, кто знает современное положение в свете, тот должен признать, что подобные „опыты" могут — и безнаказанно — проделывать большевики в любом „буржуазном" обществе и в любом правовом государстве, но не наоборот...

Как бы там ни было, но Воропинов за свой опыт заплатил дорого. Не отличавшийся цветущим здоровьем и раньше, он за свое шестилетнее пребывание в советском царстве потерял все свое здоровье. Убежал он оттуда уже больным.

Своим возвращением и теми сведеннями „из первоисточника", которые он принес оттуда, он оказал казачьей эмиграции большую услугу: он принес нам оттуда живое свидетельство о том, как живут казаки под большевиками, чего хотят, чего ждут и на что надеются. Это — своего рода поклон казачьей эмиграции оттуда, переданный им на празднике ВК 10 декабря 1930 года. Приведу здесь наиболее существенную его часть, забывать которую всем нам не следует:

„На основании своих шестилетних наблюдений над жизнью Казачества под советской властью, на основании... бесед с казаками и их рассуждений я пришел к твердому выводу, что та позиция, которую мы, самостийная часть Кубанской Рады, постепенно, ощупью заняли в 1917-1919 гг., подталкиваемые ходом событий революции и войны, была безусловно отвечающей интересам и чаяниям массы Казачества и единственно правильной. Остается только отбросить те оговорки (впредь до), которые мы делали тогда, и независимость Кубани, а еще лучше — всех Казачьих Земель поставить как непреложную и абсолютную цель наших политических стремлений. Это совершенно ясно. Современное же положение Казачества таково, что должны быть напряжены все усилия и употреблены все средства, могущие привести к скорейшему осуществлению этой цели".

Было, поэтому, совершенно логическим, что по возвращении своем в Прагу, он стал в ряды вольных казаков. Вот что сам он говорит по этому поводу:

„На третий же день моего пребывания на территории Чехословакии, в городе Севлюше (1929 г.) случай свел меня с казаком, у которого оказался казачий журнал „Вольное Казчество". Бегло просмотрев несколько статей, я увидел, что это — то, что в наибольшей степени соответствует настроениям и стремлениям Казачества на родине и моим стремлениям...

Я тогда же сказал себе, что это — моя дорога, и я пойду по ней, как только представится для этого возможность...

Осмотревшись и ориентировавшись во всех направлениях казачьей политической мысли в эмиграции, я стал в ряды сотрудников „Вольного Казачества", как течения, наиболее созвучного с настроениями и стремлениями Казачества на родине и моими, проверенными и укрепленными наблюдениями на месте в течение 6 лет"... (См. „В. К.", № 71).

К сожалению, смерть слишком рано взяла его у нас и унесла с ним много неосуществленных намерений, проектов и предположений. Об одном из них, с моей точки зрения весьма существенном, считаю необходимым упомянуть и здесь.

Носясь сам с мыслью об издании хотя краткого, но хорошего курса казачьей истории, который одинаково годился бы как для школы, так и для самообразования, я в одном разговоре с Ф. К. „натолкнулся" на точно такие же его мысли. После этого мы не раз с ним обсуждали этот вопрос, за исполнение которого он брался довольно горячо, „подгоняемый" и „домашними" соображениями: ему хотелось своим курсом истории просветить прежде всего своего сына...

Хочется верить, что по крайней мере эта задача покойного будет подхвачена кем нибудь из вольных казаков, ибо нужда в знании своей истории велика у казачьей эмиграции здесь, а еще больше велика она будет там...

Заканчивая этим свое слово о Воропинове, я чувствую, что я далеко не исчерпал его „всего", что его боевая натура была богаче и разнообразнее, чем в

Иностранцы о России и большевизме.

Из книги чешского ученого д-ра Яна Славика (занимающегося изучением русской жизни в ее прошлом и настоящем:

... „Форма власти, установленной большевиками в России, . . навязывалась ей всем ее культурным состоянием"... „Большевицкая власть с ее мероприятиями всецело выросла из русских бытовых условий". ... „Большевицкая власть выросла непосредственно из культурных и хозяйственных условий России" и „является плодом русской земли..."

Цитировано по В. Мякотину из „П. Н." от 9 июля сего 1932 года.

моем довольно сухом настоящем изображении. Я, напр., совсем не коснулся одного большого вопроса, которым „болел„ Ф. К. и с точки зрения которого он в значительной мере подходил и к В. К. движению. Мне кажется, что для него даже в данный момент борьбы за освобождение, на первом месте стояли вопросы порядка скорее социального, чем политически-государственного.

Но, может быть и необязательно, чтобы тема о Воропинове исчерпана была сегодня до конца. Слишком близок он еще к нам, еще заслоняет он собой перспективу им же содеянного или пережитого и выстраданного.

Умер он не на своей земле, но может быть мы все возьмем на себя обязательство сохранить о нем наиболее полную и правдивую память для передачи его родной Земле...

Потом выступил старейший в эмиграции казак проф. Фед. Анд. Щербина, который характеризовал покойного, как настоящего казака, смелого духом, преданного своему народу и самоотверженного общественного деятеля, богатого инициативой.

Касаясь факта возвращения Воропинова в Сов. Россию, он вспоминает, как он приходил перед поездкой к нему и на замечание, что, уезжая туда, он рискует головой, Воропинов отвечал, что знает это, он не пожалеет головы, если этим можно будет принести пользу Казачеству.

По мнению Щербины поездка Воропинова была вызвана двумя соображениями: Во-первых он думал, что большевики, победившие „белых" и сумевшие повести за собою массу, действительно могут принести человечеству нечто новое, к чему следует приглядеться, а во-вторых, он думал и верил, что падение советской власти неминуемо и близко и поэтому находил себя обязанным быть в нужный момент среди казаков, дома, чтобы не дать овладеть ими чужим силам, а провести организацию собственно казачьих сил, чтобы вывести Казачество на путь самостоятельной жизни.

Эта его искренняя вера не оправдалась, попал он в ужасное положение, из которого обыкновенному человеку не вырваться бы, но так как это был Воропинов (с несокрушимой энергией и смелостью!) он бежал. Так он поехал, посмотрел все лично и, убедившись в своей ошибке, вернулся.

Оратор определяет покойного, как человека высоких и чистых принципов. По его мнению на Кубани были только два настоящих казака: это Кулабухов, который на предложение родных бежать, чтобы избежать смертной казни, отвечал отказом, говоря, что его смерть может образумить Казачество и этим он принесет больше пользы, чем если трусливо укроется от смерти. Точно также и Воропинов, зная об опасности возвращения в Сов. Россию, зная, чем рискует, все же поехал, чтобы быть полезным своему народу...

Доктор Клунный говорит (на украинском языке), что человек рождается, растет, работает и умирает. Разница бывает в том, что одни работают для себя и только некоторые для других. Бывают люди злые и добрые. Злых на свете больше и они угнетают других. В посмертной памяти человека выявляется его душа. Он вспоминает свое знакомство с покойным. По его мнению покойный был хорошим сыном своего народа, принадлежал к числу людей добрых, работающих для других. Поэтому и память о нем должна быть доброй. Пусть память о нем долго живет в сердцах его народа...

Секр. редакции Санжа Балыков говорит о том, что хотя покойный и был сотрудником „ВК", но по состоянию своего здоровья не мог систематически бывать в редакции и потому его общение с покойным носило скорее эпизодический характер, чем постоянный. Но и из этих непостоянных общений он вынес убеждение о покойном, как о настоящем народнике, горячем стороннике землеробского казачества. Любимой темой разговора его была — организация сильной казачьей земледельческой партии. Оратор убежден, что в лице Воропинова Казачество потеряло не только хорошего националиста, но и одного из несомненнейших руководителей рядового казачества. От имени Калмыцкой политической группы он присоединяется к горю Казачества по поводу понесенной им утраты.

По окончании официальной части друзья и семья покойного (жена, дочь и сын) еще долго сидят за чашкой чая в частной беседе, вспоминая различные характерные эпизоды из жизни покойного, из которых наиболее живо и ярко встает облик его, как человека богатого мыслями, смелого и неотступного в осуществлении этих мыслей...

Казачья эмиграция.

На В. К. с'езд.

Поступило: от Свинарева (из Франции) 12 кч; от Д. Т. (из Швеции) 10 шведских крон; из Бельгии от: Никифора Боровлева, Гавриила Бурьбы, Ивана Михайловского, Семена Псарева и Павла Шевлякова по 10 бельг. фр. (получено в коронах чешских — 50 кч.).

Джигиты подхорунжего Стибы в ряды В. К.

Многоуважаемый Г-н Редактор!

Защищая вековые казачьи традиции, защищая основы казачьего быта, народоправства и казачьего равенства, мы, нижеподписавшиеся казаки, не находим иного выхода, как стать в ряды вольных казаков-националистов.

Петр Мошнагорский, А. Яролов, Иван Никитин, Алексей Стиба, Андрей Сокольский, Иван Фоменко, А. Примак, Георгий Кузнецов, Анатолий Загута.

Казачье собеседование в Кан.

По приглашению вольных казаков представитель журнала „ВК" — Ш. Н. Балинов в субботу 25 июня приехал в Кан (Кальвадос), где 26-го, в воскресенье, было устроено казачье собеседование о вольноказачьем движении, которое началось пространным сообщением Балинова о целях и задачах В. К., о росте и развитии этого движения. Его спокойное и обстоятельное сообщение произвело на присутствующих казаков хорошее впечатление.

После сообщения Балинова состоялся обмен мнениями, в котором высказывались и сторонники Ат. Богаевского, в частности г. Мальчиков.

Нужно отметить, вся беседа носила мирный, спокойный характер, все без возбуждения высказывали свой взгляд, свое понимание вещей.

В процессе обмена мнениями, возражая своим противникам, Балинов подробно рассказал и о тех недостойных приемах, коими пользуются противники В. К. в борьбе с ним. В силу невозможности бороться с В К. на исторической идейной почве, противники его всю силу своей противо-самостийнической работы направляют исключительно на дискредитирование лиц, принимающих близкое и активное участие в вольноказачьем движении, пуская в их адрес всевозможную ложь. Например, пускают упорно слух, что все В. К. „продалось" какому-то государству за определенную „мзду".

Абсолютнейшая ложь. Распространяют слух по Франции, что Балинов, по следам Быкадорова, приходил, мол, к Богаевскому просить прощения, раскаивался в своих ошибках. Чистейшая ложь. Пишут письма о том, что вольные казаки имеют какое-то отношение к большевикам — ложь, ложь и ложь...

„Например, относительно меня, — говорит Балинов, — раньше распространяли слух, что я продался иностранному государству за ежемесячное содержание в 3.500 фр. (так точно называли цифру!). Но когда вся абсурдность этого утверждения выяснилась и дальше стало неприличным говорить это, то теперь пускают слух, что я продался теперь уже каким то жидо-массонам, о существовании которых на свете я имею очень смутное представление. Как видите, все наши сановные противники из казаков, несмотря на свой большой „авторитет", „ответственные посты", высокие чины и положение, бессильны бороться с нами честными путями, а потому прибегают к помощи систематической клеветы, лжи" — восклицает Балинов.

Спокойное изложение программы В. К., подробное изобличение лжи своих противников производит впечатление на слушателей. В конце концов даже и упорный возражатель г. Мальчиков, пытавшийся делать „удар" на „материальный источник" деятельности В. К., перестал возражать. Этот оппонент все утверждал, что работа ВК — вредна России... На это Балинов отвечал: „не смешивайте умышленно два понятия — России и СССР. России уже нет и не по вине казаков, а есть СССР. Да, мы работаем на возрождение Казачества. Скажите Вы мне, пожалуйста, интересно-ли наше дело для Казачества?"

Мальчиков: Какое дело?

Балинов: освобождение Казачества от власти большевиков, установление об'единенного, ни от кого независимого казачьего государства — Казакии.

Мальчиков: Безусловно интересно, даже очень интересно!

Балинов: этим своим ответом вы ответили самому себе. Мы работаем, по вашему выражению, во имя „очень даже интересного для Казачества дела". Все остальное — дело второстепенное. В самом деле, какое нам дело до того, вредно или не вредно наше дело для России не существующей, если оно „очень полезно для Казачества"? Для нас прежде всего казаки, Казачество, на первом плане его интересы, его право, все остальное у нас отодвигается на задний план".

Настойчиво возражавший вначале Мальчиков затем сказал: „Ну что же, действуйте. Если вам удастся достигнуть своей цели — освободить Казачество и создать независимое казачье государство, то все казаки вам скажут спасибо и низко поклонятся. Но я не верю в это. У вас нет вождя, кто повел бы за собой казаков. Как я могу поверить, что какие то никому неизвестные люди сделают такое трудное дело, когда избранные всем Казачеством, пользующиеся большим авторитетом Войсковые Атаманы ничего не сделали?"*)

После собрания все — и свои и противники — пригласили гостя в ресторан „Ермак"... Затем Балинов на приготовленном вольными казаками автомобиле, в сопровождении Лысенкова, сопутствуемый добрыми пожеланиями казаков, уехал на вокзал.

И казаки и гость остались взаимно довольны. Хорошо бы было такие собеседования устраивать почаще, ибо в личной беседе выясняется многое, что было малопонятно, рассеиваются всякие недоразумения, основанные на неправильной информации.

Пусть развивается и крепнет славное и родное Вольное Казачество.

(Собст. кор.)

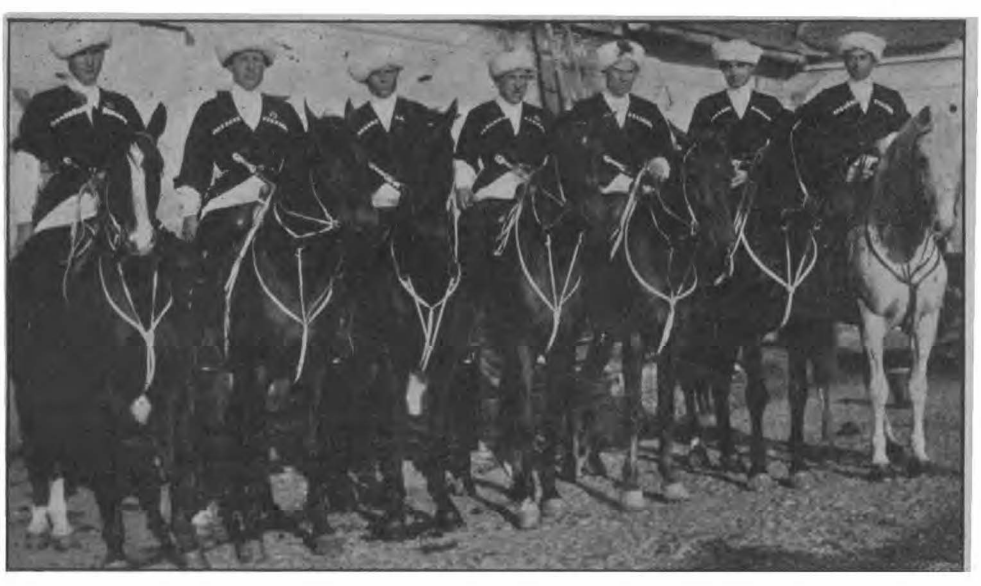
Джигиты кубанцы в Румынии.

Радуется казачье сердце, что казаки, живя на чужбине, мало того, что зарабатывают себе „насущный кусок хлеба" (кроме которого, по мнению наших б. „видных вождей", казакам ничем не следует заниматься), но еще и укрепляют, прославляют и славное имя казака и любимую свою Родину.

Да и как не радоваться казачьему сердцу, если видишь, что каждый казак, по мере возможности его духовных и физических сил, проводит ту или иную зияющую своим плодотворным черноземом живую борозду на казачьей ниве.

Один упорно выбирает из чужих „вековых" историй свое истинное казачье родословие — свою собственную, казачью историю, призывает к бывшей вольности казачьей, к исконному праву казака; другой пишет поэму, и эта поэма не уступает по своему литературному достоинству и глубине своего содержания видным литературным силам других народов; третий твердит миру о жизненности казака, заливаясь в звонкой казачьей песне на сценах мировых театров; четвертый знакомит мир с рыцарским именем казака под открытым голубым небом — через подлинно-урожденный казачий балет — казачью джигитовку; пятый отстаивает сам себя во время сказанным, умелым слово,

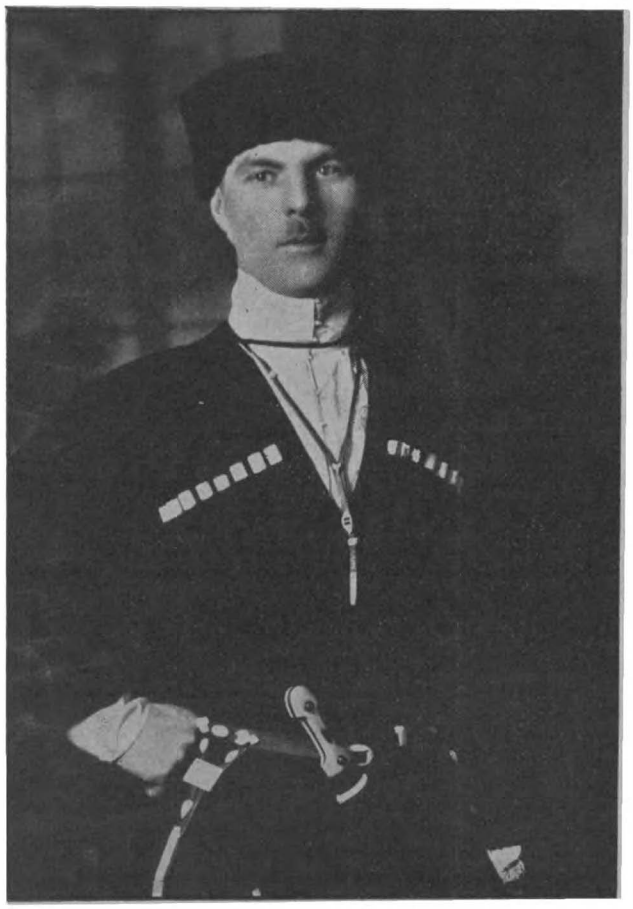
*) Отред. Госп. Мальчиков в данном случае смешивает вопрос об авторитете личном, так сказать „заработанном" на каком нибудь научном, политическом или другом каком поприще, с авторитетом, который в свое время генералы Богаевский, Науменко и др. приобрели в силу оказанного им доверия Казачества. Это доверие они растеряли, с ним вместе пал и их авторитет, т. к. личного авторитета они не имеют.

Джигиты в Румынии. Справа третий подхорунжий СТИБА (крест на шапке).

Представители журнала „В. К.“:

Слева-вверху: А. К. Бабков, казак ст. Нижне-Кундрюческой, хут. Листопадова ВВД. (Галац, Румыния), внизу: Иван С. Константинов, казак Оренбургского к. В. ст. Великопетровской, пос. Аннинского (Харбин).

Справа: А. Д. Аникушин, казак станицы Солдатской Терского к. В. (Cleveland, U. S. A.).

— все вместе, трудясь, работают на укрепление и процветание Родной Казачьей Земли...

11 и 12 июня с. г. наш город почтила двумя казачьими джигитовками команда кубанских джигитов, с подхорунжим А. Стибой во главе, имевшая свое постоянное местожительство в Юго-Славии.

Казаки — всегда казаки. Были на своем месте и джигиты-кубанцы. Два десятка номеров программы, исполненные кубанцами на нашем футбольном поле, оставили в жителях города неизгладимое впечатление. Нужно ли говорить о том, какие номера были лучшими, более удачными — все номера были хороши.

Публика осталась больше, чем довольна джигитовкой казаков. Изливаясь в искренних сердечных признаниях, говорила: „мы видели в синема, как джигитуют артисты. Но куда там им, артистам, до казаков...

Конечному успеху джигитовки способствовали казачьи песни (в прошлом году эта команда джигитов пела песни и русские. Теперь же она, имея вполне достаточный репертуар своих казачьих песен, воспевать Россию нужды не имела) и казачьи танцы: казачек и лезгинка.

Не будет лишним отметить из афиш кубанских джигитов, как они сами себя афишируют:

„Казачья кубанская конная команда джигитов югославского общества „Сокол“ совершает свое турнэ по всей Европе исключительно на лошадях, не нуждаясь в других средствах передвижения, что служит доказательством того, что казак видит со своего коня свет солнца, на коню казак живет и вместе с конем умирает. Как казак, так и конь — дети Славной Казачьей Страны“...

Желаем успеха казачьим джигитам и в дальнейшей их работе. Успеха и казачьего и материального...

Команда кубанских джигитов передала представителю „В. К." в Клуже для отсылки в редакцию „В. К." годичную подписную плату за журнал „В. К.", в сумме 300 рум. лей.

Не забыли джигиты и про в.-каз. с'езд. Поступило: от П. Мошногорского — 60 рум. лей, И. Никитина — 50, Г. Кузнецова — 20, И. Фоменко — 20, А. Примака — 20, А. Яралова (тер.) — 20, А. Стибы — 40, А. Сокольского — 20, А. Загуты — 50. Всего 300 рум. лей, которые тоже переданы представителю „В. К." в Клуже для передачи их ред. „В. К."

Вместе с деньгами джигитами-кубанцами передано и письменное заявление о желании их вступить в ряды вольных казаков.

Клуж. 20-VI-32. **В. Елисеев.**

Памяти борцов.

В день 13-й годовщины трагической смерти казака мученника Н. С. Рябовола, Общество Ревнителей Казачества в Париже отслужило панихиду по всем казакам, принявшим смерть за волю и долю казачьей Отчизны.

После, в помещении 64 rue St Dominique состоялось собрание (под сенью казачьих флагов!), посвященное памяти Н. С. Рябовола.

(Соб. кор.).

Клевета.

В журнале „Кавказский Казак" за июнь месяц, № 6, Кубанский В. Атаман в обращении своем к казакам обвиняет атамана Смедеревской станицы подхорунжего Н. Л. Гнилозуба в том, что он скрывал от казаков высылаемый ему полк. Соломахиным для распространения среди казаков в количестве 10-ти экземпляров журнал „Кав. Казак", в то же самое время усиленно распространяя журнал „Вольное Казачество".

Заявляю, что высылаемые пол. Соломахиным 10 экземпляров предназначались не для распространения, а для продажи и атаман Гнилозуб, получая их, такого факта не скрывал, а, наоборот, всем заходившим к нему казакам всегда предлагал купить этот журнал, и даже, давая читать от себя, частенько платил своими собственными деньгами. Выписываемый же один экземпляр для станицы передавал немедленно мне, как станичному писарю, и желающие его читать могли получить от меня его бесплатно.

Изложив все это, считаю нужным сказать, что обвинение, брошенное Кубанским В. Атаманом генералом В. Г. Науменко моему атаману подхорунжему Н. Л. Гнилозубу неосновательно и имеет источником, видимо, какие то ложные донесения отдельных, непричастных к Смедеревской казачеей станице лиц, или же таких „господ", которые считали для себя унижением заходить к ст. атаману и брать у него журнал, как к казаку, не имеющему офицерского чина.

Еще раз подчеркиваю, что „Кавказский Казак" читали многие казаки и даже не казаки. И трудно сказать, какой из журналов заставил нас выявить свое подлинное казачье лицо — „Вольное Казачество" или „Кавказский Казак".

Обвинение В. Атамана тем более неправильно, что полк. Соломахину на подобное же заявление во время пребывания его в Смедерево 22 мая с. г. на общем собрании всем сходом было отвечено, что не читали журнал только те, кто его не хотел читать.

Такие приемы борьбы, основанные на лжи и клевете, достойны лишь осуждения и подорвать доверие к казакам и организациям, признающим путь Вольного Казачества правильным, не могут.

Станичный писарь Смедеревской казачьей станицы **Д. Захаров.**

Праздник Смедеревской общеказачьей станицы.

28 июня Смедеревская общеказачья станица отпраздновала свой станичный праздник. Еще за неделю чувствовалась заботливость станичников, каждый старался, по мере возможности, оказать помощь в приготовлении хоругви, которую казаки решили приподнести Смедеревской церкви. Собственными силами начали они готовить ее, но особенную энергию проявили: супруга атамана, сам атаман, его помощник и писарь. Главный же труд рисование иконы, пал на украинца г-на Жижиленко, который блестяще его выполнил.

Икона изображает Георгия Победоносца. На громаднейшем сукне тщательно выведена надпись: „Дар Смедеревской церкви от казаков станицы 1932 г. 28-VI". По кругу — „От щедроты своея сооружиша образ сей Великомученика и победоносца Георгия рабы Божии, казаки станицы Смедеревской, влачиша дни своея скорби во изгнании и поклониша его церкви Божией во граде Смедерево в воспоминание пребывания в сем граде и в память братьев наших, в боях изде живот свой положивших. 1932 г. 28-VI". Далее, симметрично по обеим сторонам круга: „Св. Великомученик Георгий чудотворец о змии", ниже: „казаки, Смедеревской церкви, лето 1932 г."

Празднество началось с того, что казаки-смедеревцы собрались у своего атамана Н. Л. Гнилозуба в 9 часов утра численностью в 50 человек. Здесь построились и, справа по три с хоругвью впереди, направились к церкви. Неуспевшие к 9 часам, приставали по пути. После окончания литургии было посвящение иконы и был отслужен молебен. Присутствующих было так много, что церковь не могла вместить всех пришедших. По окончании молебна был сделан снимок и хоругвь была принята бывшим министром правды, а ныне председателем церковного общества г-ном Лотичем. Радость и оживление царило вокруг. Праздничное настроение коснулось всех. Под звон колоколов хозяева-казаки и гости-сербы двинулись в ресторан — разделить казачью хлеб-соль. Громадная зала уже была тщательно приготовлена для этой цели. Расставленные столы в изобилии были накрыты закуской и выпивкой. Тихо и мирно все заняли свои места. Среди гостей присутствовала почти вся администрация города Смедерева. Здесь были: шеф державной радионицы г. Новакович, шеф ломионицы Гаврилович, шеф станции Кривокатич, инж. Станойчич и целый ряд срезских писарей, из которых один представлял срезского начальника.

Из приехавших разделить радость смедеревцев, были: супруга представителя журнала „В. К." Е. Г. Кундрюцкова с маленьким сыном и казаки общеказачьей студенческой станицы: Н. Ф. Букин, Н. А. Евсеев, И. И. Александрин, Ф. Денисов, А. П. Черный с бандурой, В. Борисенко и А. Короленко.

Торжество было открыто речью атамана Н. Л. Гнилозуба, который в своем слове упомянул: В сегодняшний день мы празднуем праздник нашей станицы и я хочу в этот день отметить, что мы, вольные казаки, отлично помним тот приют и радушный прием, который оказал нам Югославянский Король и югославянский народ. Достойно мы ценим симпатии, проявляемые вами и горим желанием за добро воздать тем-же...

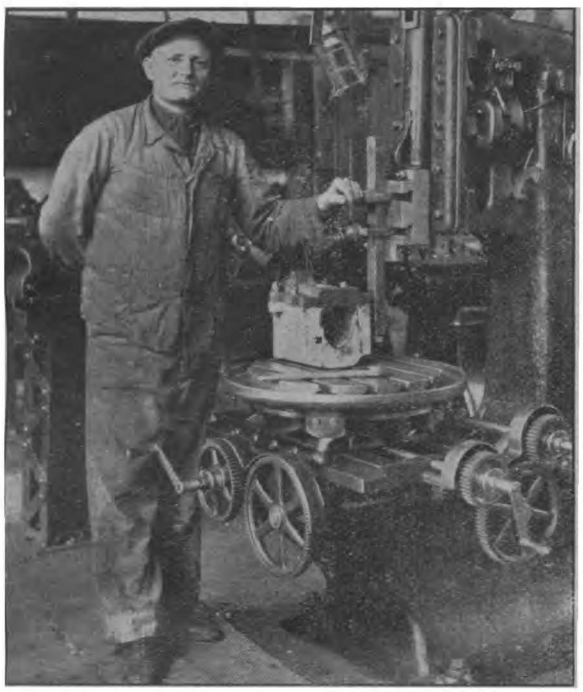
Заканчивая свою речь, Н. Л. произнес здравицу Королю и всему югославянскому народу. Зала огласилась громким: „живео", а хор стройно пропел югославянский гимн.

Далее выступил Н. Ф. Букин, студент-казак: Я, как заместитель атамана общеказачьей студенческой станицы, поздравляю от имени атамана и всей нашей станицы дорогих смедеревцев с их станичным праздником и от души желаем в дальнейшем быть такими же стойкими, каковыми вы показали себя за этот период времени. Желаю станице и в дальнейшем быть примером для всех казаков, волею судьбы разбросанных по всему миру... В конце своей речи, произведшей сильное впечатление на слушателей, Н. Ф. прочитал письмо атамана студенческой станицы П. С. Полякова, которое не в меньшей степени произвело впечатление на аудиторию.

Хор дружно пропел многая лета.

Следующим выступил шеф станции г. Кривокатич, который в своей речи упомянул о тех жертвах, которые принесло казачество в период борьбы сербов с турками. Заканчивая свою речь, произнес: „я хочу почтить их память и громко сказать: великая им слава!

Хор поет вечную память.

Казачья эмиграция в фотографиях:

Слева: хор. Ив. Ф. Иващенко, казак ст. Екатериновской, Ейского отд. — десять лет у строгально-долбежного станка по металу (главн. ж.-д. мастерская в Дрвара, Югославия). Справа вверху: группа джигитов, совершивших турне (начиная с 1931 г.) в Германии, во Франции, снова в Германии, потом в Дании и Швеции. Слева направо: вахм. Д. Ф. Тырин, сотн. А. З. Соловьев, под'ес. А. С. Тырин и А. Г. Попов. Справа внизу: казак ст. Цымлянской ВВД, хут. Красноярского Ф. Б. Карташов, активный деятель в. к. движения в Монтаржи (Франция).

Потом выступил Н. А. Евсеев, казак-студент: являясь заместителем представителя журнала „В. К.“, я спешу от имени представительства поздравить вас, дорогие станичники, с вашим станичным праздником и пожелать вам всех благ и всего, всего доброго. Казачье студенчество зорко следит за тем, что творится у вас здесь. Знаем мы и о тех последствиях, которые вытекли, как результат вашего решения вступить в ряды В. К. Нельзя не согласиться с тем, что Смедеревская казачья станица стала на тернистый путь, но верьте, братья казаки, что лишь такие определенные пути ведут к спасению. Хочется верить, что родные смедеревцы останутся по прежнему стойкими в ряде испытаний и по прежнему гордо понесут свой вольноказачий стяг. Побывав у генерала Кокунько я могу передать вам, что и он также вместе с вами и в вашем деле видит возрождение истинного старого казачества. Приветствует вас в вашем начинании и также желает сил и здоровья в дальнейшей вашей работе...

Хор поет: Всколыхнулся, взволновался Православный Тихий Дон.

Н. Л. Гнилозуб, кратко охарактеризовав положение и состояние здоровья діда-генерала, передал его письмо писарю г. Захарову, которое и было прочтено.

После выступил украинец Ф. Я. Черный: мы видели здесь единение и на наше счастье выпадает, что мы боремся вместе против общего врага — против большевизма. Здесь мы слышали национальные гимны, а это наши душевные молитвы... Страна, которая нас приютила, не так давно и сама была под игом турок, но мы знаем, что она жила своим национальным чувством. Следовательно, необходимо и нам для сохранения своих быта, нрава и обычаев жить собственным национальным чувством. Возьмем же пример от сербов, они на протяжении многих лет вели борьбу за национальную идею и освободились; поведем же борьбу и мы, свергнем коммунизм и осуществим свои национальные задачи. Здесь, в Югославии, много и русских и казаков, но не мало и украинцев, которые когда то были отдельным свободным народом. Если мы возьмем историю, то увидим, что нас покорил русский народ, но мы верим, что отделим свой край от России и освободимся от ига коммунизма. В борьбе с ним мы безусловно не встретим поддержки в лице Центральной России, т. к. на протяжении всей „гражданской“ войны мы не наблюдали там восстаний, но мы верим; что найдем себе поддержку в лице южных народов, т. к. нас могут понять лишь только наши братья вольные казаки...

Хор поет: „Як умру, то поховайте...“

В виду того, что время уж достаточно затянулось и служащим нужно было уходить, атаман станицы сердечно поблагодарил гостей сербов за оказанное внимание, а все присутствующие в честь их крикнули ура...

После выступил с речью помощник атамана г. Столяров: Я, как помощник ст. атамана, хочу принести благодарность всем, здесь присутствующим. Мы — казаки и наша цель — об'единить всех казаков воедино. Нет на земном шаре сейчас ни одного места, где бы не было казака... Мы в Смедерево об'единились и пусть братья казаки берут с нас пример. Еще раз благодарю гостей за внимание и громко говорю: живео! Югославии и да здравствует Казакия.

Хор: многая лета!..

Далее выступал еще целый ряд ораторов, из которых нельзя не отметить речи п. Жижиленко и станичника Нигреева.

Жижиленко упомянул о том, что Иисус Христос, посылая своих учеников, говорил: дух выше материи... Вы служите заветам Христа и вы, несмотря ни на какие насмешки, сделали свое дело, начиная с молитвы. Вы приподнесли икону, вы оказались и дедами, которые также делали с молитвы, вы оказались апостолами, которых Христос посылал в мир... Но я вижу, что на некоторых все же произвели силу усмешки, они не пришли принять участие в вашем торжестве, они поколебались в своей вере. Но я верю, что и эти люди сознают свою ошибку и придут к вам, а потому и скажу: слава казакам!

Станичник Нигреев в своей речи упомянул о том, что сербы радушно идут навстречу казакам, сославшись на пример с ложионицей, откуда казаков отпустили на их праздник. Свою речь станичник Нигреев закончил словами: Югославянский народ дал нам приют и оказал гостеприимство, а мы можем дать нашу кровь за Югославию...

Крики: живео! громко огласили залу, а хор спел многая лета.

После атаман от имени станицы поблагодарил украинцев Н. Жижиленко и Яценко за оказанную услугу в деле устроения хоругви, на что Жижиленко ответил: Бог дал мне талант и я отдаю его на благо вольного казачества!..

Когда почти все сербы разошлись по местам службы, оставшиеся казаки перешли к собеседованию. Станичники смедеревцы попросили приехавших студентов осветить им вопрос политической жизни полностью.

Слово взял Н. Ф. Букин, который в течении часа смог дать полную картину и исчерпывающую наглядность современного положения казачества, как там в родных краях, так и на международной арене.

Общее веселье было поддержано танцами. Студенты И. И. Александрин и Ф. Динисов мастерски исполнили казачка. В их танце сказалась не только уменье и лихость, но та безграничная воля и ширь, которую лишь только и могла привить родная и ковыльная степь. Старина же казачья была воскрешена А. П. Черным на бандуре...

В 5-ть часов почти вся станица, во главе с атаманом, помощником и писарем вышла проводить от'езжавших студентов.

На время прерванное веселье, продолжено снова... Хочется отметить тот радушный прием и искренность отношения, которые Белградские гости встречали со стороны смедеревцев...

Заканчивая свое описание о станичном празднике Смедеревской станицы, мне еще раз хочется поблагодарить от лица всех ездивших студентов родных смедеревцев за их прием и искренность отношения.

Белград 2-VII-32 г. Н. Евсеев.

Наказный станичный атаман.

Хочу поделиться с казаками националистами о тех подлостях, которые устраивают нам, казакам, русские, именующие себя тоже казаками.

Весной прошлого 1931 г., во время перевыборов атамана и должностных лиц в Кубанской каз. станице имени Кошевого Атамана Чепиги, атаманом которой я состоял уже два года под ряд, начался разлад с казаками легитимистами, которые, поддерживаемые не казаками, вербовали рядовых казаков в указанную партию с приводом к присяге на верность великому князю Кириллу Владимировичу, как императору России.

В это время приехал в Н. Сад бывший атаман общеказачьей Субботицкой станицы А. М. Протопопов, который, не желая вступить рядовым членом в нашу казачью семью, встречая казаков на улицах, старался убедить их в том, что надо основать общеказачью станицу, что полк. Недбаевский, полк. Есаулов и сотник Дьяченко-Калмыков (которых считал за своих конкурентов) такие и сякие и что они в общем не смогут помирить и об'единить казаков, а что только он, Протопопов, сможет это спелать, как то было им сделано в Субботице.

За наносимые мне в разговорах с казаками оскорбления, я, в присутствии полк. И Гонского, не подал г. Протопопову руки, об'яснив причину, и прекратил с ним знакомство.

Видя, что кубанцы не хотят менять своего имени, г. Протопопов стал назойливо предлагать ген. Ф. Данилову быть почетным станичным атаманом (из каких казачьих источников почерпнул такую должность?) с тем однако, чтобы он, Протопопов, обязательно был его помощником.

Ген. Ф. Данилов вообще отказался от атаманства, хотя ему и предлагали казаки, и на перевыборах опять был избран я.

После этого г. Протопопов начал „действовать“ при поддержке полк. Соломахина, письмо которого показывал ген. Данилову, полк. Гонскому и другим казакам и не казакам, в котором указывалось: принять все меры к группировке казаков около него, Протопопова.

Несмотря на протесты казаков против разбивки их на несколько станиц (в лице ген. Данилова и моем перед Кубанским Правительством и Войсковым Атаманом), новая общеказачья станица, по счету четвертая, все же Куб. В. Атаманом была утверждена, а в скорости зарегистрирована в Белграде и у председателя Р. О. В. Союза в Югославии. Таким образом, атаман этой станицы, г. Протопопов, является не выборным, а наказным.

Станица г. Протопопова была собрана почти исключительно из строевых казаков сотни, штаб которой находится в селе Индия, недалеко от Н. Сада, из числа которых Куб. В. Атаманом вообще воспрещалось раньше формировать новые станицы. Казаки эти работают на путях железной дороги и на станциях.

Чувствуя себя таким образом „твердым“ атаманом станицы, казалось бы, что г. Протопопов, добившись цели, должен был бы успокоиться и заниматься только делами казаков своей станицы. Но, очевидно, утверждение его в должности атамана налагало на него и некоторые обязанности другого характера. Так, он незамедлительно начал проявлять свои способности и энергию в иных направлениях, поступаясь даже этикой „высокого звания“ русского офицера, как он себя называет: занялся провокацией и дискредитированием неугодных лиц, стоящих на его пути по „об'единению“ вокруг себя казаков. В особенности направил он свою энергию против меня, как казака националиста и атамана самой большой (83 казака) и крепко спаянной станицы на чисто казачьем укладе жизни и казачьих традициях, с тем, чтобы эту станицу развалить как это им было сделано и в Субботице.*)

Началом активных действий г. Протопопова было 10 апреля с. г., когда мною, по желанию казаков, чтобы услышать живое слово от своих же братьев казаков, были приглашены из Белграда студенты казаки П. С. Поляков, Б. А. Кундрюцков и П. М. Мерзликин сделать доклады. 1) по истории Казачества, 2) о жизни казачьей эмиграции и 3) поделиться сведениями о международной обстановке в данный момент.

В указанный день к 3 часам, когда мною был назначен общий сход казаков всех казачьих Войск, пришел я с докладчиками и правлением, атаман полк. Есаулов со своим правлением и начали собираться казаки. Отсутствовали казаки станиц легитимной и Р. О. В. Союза.

В это время прибыли во двор схода два полицейских чина, которые, узнав от меня, что я не имею письменного разрешения (я до этого времени имел таковое устное), спросили какие тут раздаются брошюры Я пред'явил им книгу „Казак И. Гаморкин“ — Б. Кундрюцкова, поэму „Ваня и Феня“ — П. Полякова и сборник казачьих песен Дона, Кубани и Терека, переложенных на ноты, П. Кадушкина. На все сходы я всегда приносил какую либо казачью литературу, получаемую мною из Белграда от Кубанского Правительства и других мест и которую казаки охотно покупали. Чины по-

*) О разложении казаков в Субботице и разбивке их на хутор и станицу имею документы, таковые имеются и в канцелярии Кубанского Правительства, т. к. для примирения казаков, по поручению Куб. В. Атамана, в Субботицу приезжали: Председатель Терского Правительства г. Букановский и атаман Кубанской Белградской станицы г. П. И. Курганский.

лиции увидев, что все эти издания прошли через цензуру Югославии, попросив по одному экземпляру для себя, предложили собрание не открывать. На мое заявление, что я вторично спрошу Управника полиции, я получил ответ, что он уехал в Земун. На этом разговор с полицией был закончен, после чего чины полиции ушли сами, а я с гостями и казаками и полк. Есауловым собрались в гостиннице за ужином (№ 103 „В. К.“).

Все казаки были глубоко возмущены действием неизвестного доносчика (с провокаторской целью!), хотя и догадывались, кто именно это мог сделать и вот почему:

Оказывается, что когда я разговаривал с чинами полиции, то в ста шагах от места схода за углом, около лавки „Плевна“, стоял г. Протопопов и наблюдал за результатом, а его преданный „осведомитель“, есаул Чумак. Чумаковский (не казак), проходя через двор схода, подслушивал казачьи разговоры. Обоих видели я и казаки. Затем, когда казаки расходились, то г. Протопопов очутился значительно далеко, около католического собора, и, идя им навстречу, удивленно спросил полк. Есаулова и есаула Богданова-Гольцева, что случилось и узнав причину, „сокрушенно сожалел“.

Эти действия говорили мне и казакам ясно, кто был причастен к срыву схода, но мы молчали, т. к. не имели более веских данных в руках.

Да иначе, если предположить, что г. Протопопов, не знал, что сход не будет допущен, то почему же он заранее приказал своим казакам не ходить туда, а раз он сделал такое распоряжение, то для какой цели он сам пришел и как вор, спрятавшись за углом, наблюдал именно в то время, когда пришли чины полиции, а его „приятель“ Ч.-Чумаковский подслушивал наш разговор.

В этот же день по городу распустились невероятно лживые слухи о моем аресте и т. п. Кому то и это нужно было.

Затем, после этого, 1 мая напечатана в еженедельной газете „Русский Голос“ за № 56, издаваемой в Белграде на средства Р. О. В. Союза, статья: „Н. Сад. Неудавшееся агитационное самостийное собрание“ за подписью „казак“.

Статья эта была составлена от начала и до конца из клеветы, лжи и оскорблений и рассчитана, главным образом, на подрыв моего авторитета, как атамана, и опорочение моей чести в глазах казаков и местных жителей.

Я в статье умышленно не был назван по чину и должности атамана, а фигурировал просто: Петр Недбаевскй.

Указано было, что из всех 150 казаков, находящихся в Н. Саду, в станице г. Протопопова состоит около 100 человек, в легитимной около 30 чел., в старой станице полковника Есаулова — 2 чел. и в моей станице 16 чел., между тем, как в моей станице состоит 83 казака.

Было сказано, что меня, как инициатора собрания, полиция увела с собой, т. е. арестовала, и что собрание закончилось об'яснением в полиции“.

Про ген. Данилова, назвав его с иронией военным министром Казакийской республики, сказано, что приехавшие докладчики были у него за завтраком, на самом же деле ген. Данилов в то время вообще не был в Н Саду.

Студенты П. Поляков, Б. Кундрюцков и П. Мерзликин (из коих первые два имеют георгиевские кресты) названы „агитаторами с негодными средствами“, недоучками, изменниками и клеветниками.

Возмутившись до глубины души подлой дерзостью не в меру зарвавшегося неизвестного „Казака“, я и генерал Данилов, составив опровержение по семи его пунктам, передали его адвокату для помещения в газете „Рус. Гол“ и подачи жалобы в суд против неизвестного автора, скрывшегося за подписью „Казак“ и и редактора газеты, если он не укажет имя автора клеветы и оскорблений в статье.

Нашему адвокату передано вести судебное дело против того же автора „Казака“ за клевету и оскорбления и упомянутыми студентами.

Редактор (не ответственный) названной газеты г. Пронин ответил, что наше опровержение будет в очередном номере и сообщил, что статья прислана из Н. Сада „атаманом Новосадской общеказачьей станицы есаулом Протопоповым“, на которого уже и подана жалоба в суд.

Напечатано было наше опровержение спустя две недели в № 58 ввиде заметки от редакции мелким шрифтом и без начала и конца с подписями (с нарушением закона о печати), и только на вторичное наше требование, спустя три недели, было полностью отпечатано в № 61.

Таким образом, подписавший и пославший гнусную статью, подписанную „Казаком“ оказался станичным атаманом, действия которого как такового в глазах признающих его казаков должны быть безупречными.

На этих фактических данных, касающихся главным образом лично меня, я и заканчиваю эту статью и предоставляю читателям самим вывести свое мнение о деятельности г. А. М. Протопопова.

Кубанского каз. Войска Полковник **П. Недбаевский.**
Новый Сад. Югославия.

Русские о казаках.

В Смедерево 11-го июня произошло собрание „Русской колонии“, на котором вопрос о борьбе с В. К., выдвинутый как самим председателем, так и отдельными членами колонии, был поставлен со всей ясностью и законченностью. Думается, что казакам будет интересно познакомиться с некоторыми „патриотическими речами“, произнесенными на этом собрании.

На повестке дня стояли следующие вопросы:

доклад новаго правления о приеме дел;

исключение самостийников из „Русской колонии“;

Текущие дела.

Собрание открыл председатель „Русской колонии“ в Смедерево госп. Н. И. Чураков и, доложив о приеме дел, перешел к разрешению второго стоявшего в повестке дня вопроса — об исключении самостийников из „Русской колонии“.

Госп. Чураков прочитал письмо полковника Гришина, в котором тот указывает, что на станичном сборе Смедеревской казачьей станицы 22-го мая с. г., при пересмотре, согласно распоряжению Кубанского Войскового Атамана и желанию создавшейся „оппозиции“ приговора за № 77 об отчислении 300 динар на Вольноказачий С'езд, казаки станицы и прибывшие из Белграда студенты называли весь русский народ казачьими кровными врагами, а также подчеркивает, что принятое сбором вольноказачье течение есть преступление перед родиной, а поэтому он, Гришин, просит об исключении станицы из состава колонии.

Председатель колонии доложил собранию, что у него имеется кроме того указание из центра (Белград) от председателя делегации, ведающей интересами русских беженцев в Югославии г. Штрандмана, одновременно прочел и выдержки из писем, адресованных ему г. Штрандманом, в которых тот указываеть ему, Чуракову, на опасность самостийного движения и предлагает принять все меры к „ликвидации“ этого движения в его районе, в чем и обещает ему свою помощь.

Заканчивая свое слово, подкрепленное столь „важными письменными документами“, г. Чураков сказал, что русским необходимо беспощадно бороться с этим самостийным течением и, призвав членов колонии на эту борьбу, передал слово атаману недавно образовавшегося из „оппозиции“ общеказачьяго хутора в г. Смедерево есаулу Пацапай.

Коснувшись образования хутора и утверждения его Кубанским Атаманом, г. Пацапай остановился на пись-

ме ген. Науменко к нему, Пацапаю, в котором Куб. Атаман, осуждая действия станичнаго правления, высказывает свое убеждение в том, что правлению вновь образовавшегося хутора удастся переубедить самостийников и привлечь казаков в хутор. Со Смедеревской станицей-же он, Кубанский Атаман и Кубанское Представительство, прекращают всякие сношения; казакам, состоящим в станице, никаких документов выдавать не будут и никакие их просьбы и ходатайства удовлетворяться также не будут. — Я, сказал ес. Пацапай, самостийное движение считаю преступлением перед Россией и Казачеством, призываю казаков и вас, русские люди, об'единиться на борьбу с самостийниками в одно целое. Я — природный казак Поповической станицы, иду по стопам своих дедов и исполняю завет моего отца и никогда не изменю ему.

После Пацапая выступил генерал Кельнер: Я категорически осуждаю самостийников!.. Россия — только для русских!.. В ней не должно быть ни казаков, ни украинцев, ни татар, ни киргизов и так далее, и тому подобное... Будущее Российское правительство не потерпит в казачьих областях никаких Войсковых Кругов, никаких Войсковых Рад... Никаких!.. Все это в будущей России должно быть уничтожено!.. В них велась преступная деятельность против России, а основоположниками ее я считаю застрелившегося Каледина и ушедшего на покой ген. Краснова..

Говоря об убитом в Ростове Рябоволе и повешенном в Екатеринодаре Кулабухове, генерал Кельнер заявил, что „они получили по своим заслугам".

За генералом Кельнером выступил г. Акулик и от имени русской национальной молодежи, со своей стороны, призывал на борьбу с самостийниками. Из его „слова" приведем наиболее „сильно сказанное":

— У нас есть пуля для большевика и есть пуля для самостийника! Самостийники работают на большевицкие деньги!..

Из задних рядов послышались крики: это ложь!..

Сменивший Акулика г. Червинский сказал, что никакого Украинского или Вольноказачьего движений нет. На самом деле существует только ряд выступлений отдельных личностей, заинтересованных в такой деятельности материально, а за ними если кто и идет, так только те казаки, которые продались за рюмку водки...

Когда „реч" г. Червинского была окончена, слово взял атаман Смедеревской станицы Н. Г. Гнилозуб:

— Я выслушал заявление о нас полковника Гришина и нахожу его не точным. На бывшем сходе ни студенты, ни мои казаки русских „кровными врагами" пока не называли. О „кровности" вражды речь была, но была она потому, что целый ряд как ответственных, так и безответственных русских людей и представителей вашей колонии позволил себе в адрес станицы совершенно недопустимые выступления. Перечислю их. Так, на собрании колонии 27-го мая 1931 г. г. Иванов назвал казаков кровными врагами и добавил: „Их нужно было перевешать еще там, в России". А г. Тарасевич, месяц тому назад, довольно смело говорил, что он, если бы имел власть, загнал бы их в Смедеровский Град (крепость, стоящая около реки), наполнил ее водою и, полив керосином, сжег. Перед праздником Пасхи, встретив г. Черного (украинца) русский Карпов заметил, словно бы хвастаясь, следующее: „Мы казаков вешали и будем вешать!.." Так вот, на основании таких „беженских" вожделений" и поднимался на станичном сходе вопрос о том, кто же нам кровные враги, а кто союзники. Логически враги те, кто нас считает своими кровными врагами... Затем вы поднимаете вопрос об исключении самостийной Смедеровской станицы из списков „Русской колонии". Позвольте вам заметить, что этот вопрос я считаю нелепым, так как станица никогда в колонии не состояла, не состоит и не будет состоять. Как же вы можете исключать то, что не ваше и в вашу компетенцию не входит?

От украинцев г. Жижиленко сказал так:

— Вы вот говорите все время о каком-то единении, толкуете о необходимости сплочения в антибольшевицком лагере. Какое же может быть единение, когда вы сами отделяете и оскорбляете казаков, которые, вероятно, больше вас антибольшевики, а в Смедерево сплоченнее и их больше, чем вас (на собрании присутствовало 38 человек). Подумайте, что вы делаете. Я думаю, чем нам друг на друга нападать, не следовало ли бы нам об'единиться для борьбы: и украинцам, и казакам, и русским, а не идти той же дорогой, по которой вел нас генерал Деникин. вы в лице самостийников видите бо́льшего врага, нежели большевиков, и задача, которую вы ставите, в конечной цели, сводится к тому, чтобы разбить противобольшевицкие силы, причем главная из них построена на патриотизме самостийников— украинцев и казаков, готовых на самую отчаянную борьбу с большевиками за свою независимость. Так не повторите же 1919—20 годов!..

Педседатель русской колонии г. Чураков выступил с заключительной речью, в которой сказал, что остается при своем предложении, так как в самостийниках он видит такого же врага России, как и в большевиках. Если же русские люди пойдут спасать Россию, то они в первую голову должны перевешать вольных казаков и украинцев за их стремление отделиться от России.

Собранием точка зрения своего председателя усваивается и единогласно (поднятием рук) против одного выносится решение „исключить" самостийников из русской колонии.

Казаки-самостийники и украинцы, оставаясь зрителями происходящего, сохраняют невозмутимое спокойствие...

Из казачьего былого.

Это было в девятисотых годах; было так, что в нашей Ц-кой станице сплошь и рядом станичными атаманами бывали простые казаки, а Наказными „на верху" — всякие Фон-Таубе и Граббе, как видите, „настоящие казаки" по назначению свыше. Однажды выборные старики наши решили открыть для своих станичных детей гимназию и много потратили времени, добиваясь разрешения от Наказного Атамана, несмотря на то, что станица наша бралась построить на свой станичный счет не только здание школы, но соглашалась содержать весь персонал и провести все оборудование школы в смысле учебных пособий на свои общественные средства.

Потерпев несколько неудач в своих ходатайствах, старики пошли на хитрость; они решили выбрать „чиновного" атамана, чтобы он мог пойти в высшие инстанции и преодолеть преграды. Задумали — сделали.

Жил у нас в станице отставной полковник Ульянов, старик лет 60. На неожиданное предложение быть станичным атаманом, он не отказался. Все шло так, как предполагалось: старый полковник скоро наладил связь с Новочеркасском и установил отношения. Однажды в его отсутствие старики вынесли приговор (под руководством помощника станичного атамана) о необходимости открыть в станице среднюю школу, написали соответствующее прошение, а когда вернулся атаман, его помощник подал ему на подпись приговор и прошение. Но тут произошло совсем неожиданное дело: старик прочитал, покряхтел и, гордо откинувшись на спинку стула, воскликнул:

— Вашим детям нужна гимназия?!... Вон им туда (указывая на границу) охранять границы матушки России, а потом, по окончании службы, — быкам хвосты крутить, а не гимназию им заводить; лучше бы тюрьму станичную хорошую построили бы на эти деньги!...

И старик категорически отказался подписать и постановление и прошение. Так мы и „пролетели" в своих расчетах на нашего полковника.

Так вот, станичники, не забывайте этот случай,

чтобы мы в будущем так слепо не доверяли людям, которые могут держать руку Москвы и которые могли бы так плохо думать о казаках, как о людях только на то и годных, чтобы караулить чужие границы, быкам хвосты крутить и в тюрьме потом сидеть, самими на свои же деньги построенные. Пора нам научиться разбираться в том, кто чем дышет, одним словом, знать политическое настроение того, кому мы доверяем свою судьбу, и только тому поручать наши важные дела, кто стоит за казаков и их интересы первым долгом.

Пора нам знать свои пути и взяться самим за свое дело.

Монтаржи. Франция.

Казак Ф. Б. Карташов.

По белу свету.

— После трехнедельного заседания кончилась Лозанская конференция. Она завершилась торжественным подписанием нового соглашения по вопросу немецких репараций союзникам. По этому соглашению Германия должна уплатить 3 миллиарда золотых марок в течении 37 лет. Принимая во внимание размер суммы и срок ее погашения, надо признать, что Германия фактически освобождана от репарационных обязательств. Соглашение это вступит в силу после удовлетворительного решения С. Америкою вопроса о военных долгах и рассчитано именно на такое ее согласие.

Небезинтересно хоть кратко вспомнить первоначальное соглашение по этому вопросу на мирной конференции и последовательные этапы его изменений, чтобы понять, какую большую победу одержала немецкая политика, в смысле облегчения последствий проигранной ею грандиознейшей войны.

Первое решение союзников было таково: Германия, начиная с 1 мая 1921 года, в течении 30 лет должна уплатить союзникам 280 миллиардов золотых марок. Однако, эта сумма решением репарационной конференции в марте 1921 года была снижена на 150 миллардов марок; решением высшей комиссии союзников в мае т. г. эта сумма была сведена на 132 млр.; в результате конференции в Лондоне в 1922 г. и по так называемому Даусову плану в 1924 г. союзники должны были снизить причитающийся им взнос до 50 млр. мар.; по Юнгову плану репарационный долг Германии сводится к 39 млр. марок и, наконец, теперь, в результате Лозанской конференции, эта сумма сведена на 3 млр. марок, сверх того, что уже уплочено. При этом, по расчету Германии, она считает уплоченными до сего времени 67 с лишним млр. марок, а по подсчету Франции эта сумма действительно выражается в 22 с лишним млр. марок.

Этот результат Лозанской конференции надо рассматривать все же как шаг к разряжению современной политико-экономической атмосферы в Европе, но нельзя придавать ему решающее значение. Еще не разрешен довольно актуальный и путаный вопрос межсоюзных долгов, главным образом долгов союзников Соединенным Штатам Америки. Не выработана также та или иная мера по борьбе с мировым экономическим кризисом. Самое же главное, не достигнуто никакого почти соглашения на Женевской конференции по разоружению.

Таким образом, несмотря на достигнутое соглашение на Лозанской конференции, нельзя думать, что международное политическое положение вышло окончательно на путь прояснения и определенности. Государства, которые в важных вопросах международного характера оказываются опутанными каким-то единством мнений других держав, естественно будут искать таких же комбинаций в свою очередь. Поэтому ничего неожиданного не будет, если к группе, об'единяемой Францией, присоединится в будущем и Япония для совместной защиты своих интересов. Это поведет за собою упрочение позиции Японии в Манджурскрм вопросе и вероятное признание Манджурии государствами указанной группы, в чем, как я и раньше замечал, ничего, кроме справедливости, не будет, ибо если малые народы закабаляются, то они, благодаря стечению обстоятельств, и освобождаюся. И другим народам, в свое время таким же путем вышедшим на путь свободного существования, нет никаких оснований не мириться с фактом Монголо-Манджурского освобождения из под ига Китая.

— Грандиозный всесокольский слет в Праге, на который приехали сокола и из других славянских стран (кроме России), закончился. Он показал высшую степень организационного умения чехов, дисциплинированности народной массы и их любовь к родине.

Вольные казаки, которых, кстати сказать, на слет приехало значительное число, выражали единодушное пожелание о необходимости организнции национального казачьего сокола.

В грандиозном шествии соколов по улицам Праги приняли самостоятельное участие и украинцы под своим желтосиним флагом.

— По сведениям лиц, в последнее время прибывших из сов. России, там царит небывалый голод, особенно в южной ее части. Когда из кантины иностранных концессионеров (которые охраняются чекистами) выбрасываются остатки еды и выливаются помои, то голодная толпа ожидающих бросается и, как голодные собаки, дерутся на этих отбросах...

С. Б-ов.

Поправка.

В № 107, стр. 10, второй столбец, напечатано: „как много мы теряли на этом, стоит указать, что Бельгия“... — надо читать не Бельгия, а Дания. Таж же, на стр. 13 в фразе: „это край, где голод царит, где уж режут табуны“... следует читать: „где уж не ржут табуны“...

Розыски.

Федор Б. Карташов, каз. ст. Цымлянской ВВД, розыскивает свого станичника Георгия Ив. Кулешова. Просим откликнуться по адресу: M-me Tagot (pour Kartacheff), rue de Loing 110, Montargis (Loiret), Franse.

Юлия Михайловна Надь розыскивает казака гор. Кисловодска Михаила Стряхина. Лиц, знающих что либо о судьбе розыскиваемого, просит сообщить по адресу: Kabel-Kolonie, Bratislava, Československa republika.

Н. Погуляев розыскивает двух братьев: Леонида Федоровича Куща (каз ст. Титаровской) и Льва Никандровича Кокалевского. Оба выехали из Сербии в 1924 г. в Прагу.

Прошу откликнуться по адресу: M-eur Pogouliaew, rue Jeanna d'Arc (Mesples-Defrotier), Vichy (Allier), France.

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Č. S. R. по 100 к. ч. за год, а заграницу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930.
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.